

Цвет твоей крови

Автор:

[Александр Бушков](#)

Цвет твоей крови

Александр Александрович Бушков

Бушков. Непознанное

Жаркий июнь 1941 года. Почти не встречая сопротивления, фашистская военная армада стремительно продвигается на восток, в глубь нашей страны. Старшего лейтенанта погранвойск Костю Багрякова война застала в отпуске, и он вынужден в одиночку пробираться вслед за отступающими частями Красной армии и догонять своих.

В неприметной белорусской деревеньке, еще не занятой гитлеровцами, его приютила на ночлег молодая училка Оксана. Уже с первой минуты, находясь в ее хате, Костя почувствовал: что-то здесь не так. И баньку она растопила без дров и печи. И обед сварила не поймешь на каком огне. И конфеты у нее странные, похожие на шоколадную шрапнель...

Но то, что произошло потом, по-настоящему шокировало молодого офицера. Может быть, Оксана – ведьма? Тогда почему по мановению ее руки в стене обычной сельской хаты открылся длинный коридор с покрытыми мерцающими фиолетовыми огоньками стенами. И там стоял человек в какой-то странной одежде...

Александр Бушков

Цвет твоей крови

– Как ты думаешь, чем эта война кончится?

– Кончиться она должна хорошо. Она слишком уж плохо началась. Когда вначале все идет плохо, то потом всегда получается хорошо.

В. Шефнер Сестра печали.

Бушков. Непознанное

© Бушков А.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Ох, и хлебнул я горького летом сорок первого! Больше сорока лет прошло, а порой, редко, слава богу, в ночном кошмаре привидится – в холодном поту просыпаешься...

Нет, так уж получилось, что дело не в особенно жутких боях с немцами. Не было никаких таких особенно жутких боев, а тот, что однажды случился за время до события, никак к жутким не отнесешь, бой как бой, не особенно и долгий, не особенно и крупнее тех трех, которые мне пришлось пережить до войны, – дважды с бандитами и один раз с группой немецких диверсантов (они в сорок первом уже вовсю лазили через границу).

Тут другое... То ли невезение у меня вдруг открылось такое, то ли просто карта так легла. Судите сами. Поезд, на котором я возвращался из увольнения, немецкие самолеты разбомбили часов в десять утра километрах в восьмидесяти восточнее Минска. Причем в чистом поле, вдали от населенных пунктов. Ну, я

включил пограничную смекалку, установил, что поблизости есть центр цивилизации в виде райцентра, часов через несколько туда и добрался. Городок этот немцы бомбили уже вовсю, неразбериха там царила жуткая, и всем было не до меня. Хорошо хоть, военный комендант обнаружился. Документы у меня были в порядке, в том числе, понятно, и предписание, где четко значилось, что я следую из отпуска к месту службы, опять-таки четко указанному. С одной стороны, это мне помогло, а с другой – чуточку и повредило. Замотанный и задерганный капитан так прямо и сказал в лицо:

– Во-от! Пока вы, погранцы brave, по отпускам разъезжали, граница и оказалась вовсе не на замке. А шуму-то было, в кино снимали, как вы там с вашими Джульбарсами героически рубежи Родины бережете!

Я на него толком не обиделся: с рассвета человек крутится, как белка в колесе, лишь тремя подчиненными военнослужащими располагая, света белого не видел, и в кабинет к нему за время нашего разговора валом пер самый разный народ, большей частью с такими делами, которые вообще лежат вне полномочий военного коменданта. А он ничего, добросовестно пытался справиться... Потом отошел немного, выдалась минутка передышки, он малость охолонул и помог. Добрался я с военной попуткой до большой дороги, а там она уходила в другую сторону, противоположную той, куда я рвался. Пришлось ловить другие попутки. Они были главным образом военными – в первый день войны войска двигались исключительно на запад, в сторону границы, и техника туда же шла, и самолеты порой пролетали – в гораздо меньших количествах, чем следовало ожидать, порой и вовсе поодиночке.

Оказался в колонне грузовиков – а ближе к темноте на нее налетели «мессеры», сбросили изрядно мелких бомб, из пулеметов и пушек на бреющем полете проутюжили. Не стало колонны. Двинулся я пешедралом на запад. Потом были и еще разные попутки (в том числе даже бронеавтомобиль БА-20), и бомбежки. Долго рассказывать, да и ни к чему. Главное, уже ходили всякие дурацкие слухи: что немцы давно обошли Минск и прут к Москве, что у них есть танки, способные прицеплять крылья и по воздуху летать, что немецкие диверсанты уже подорвали Кремль, а вместе с ним и Самого...

В общем, в Минск я попал через сутки, вечером двадцать третьего. Не без труда отыскал начальство пограничного округа – вчера переехали на новое место, штатских расспрашивать бесполезно, а военные мало того что не знают – всерьез во мне диверсанта или шпиона подозревают. Двое совсем зеленых, явно

только что из училища, лейтенантов даже затащили в подворотню и устроили «проверку», стали задавать коварные, по их мнению, вопросы: мол, знаю ли я, как зовут по имени-отчеству Ворошилова и кем он до революции работал. Соплячье зеленое, кино насмотрелись и книжек дурацких начитались... Вот я за год службы в пограничной комендатуре, в разведке погранвойск четырежды видел настоящих немецких шпионов, и это сплошь был такой народ, на которого и не подумаешь. И подготовлены были отлично: не только сказали бы с маху, что товарищ Ворошилов до войны был слесарем в Луганске, но, очень может быть, добавили бы еще, какими он напильниками работал и по какому металлу...

(К слову, в соседней комендатуре агента изобличили по-другому, не примитивными вопросами. Выложили перед ним дюжину картофелин и спросили: «Где командир должен быть?» Он замялся, и все с ним стало ясно – чтобы советский парняга двадцати пяти лет, отнюдь не из глухой деревни, «Чапаева» не видел?! Правда, там был не нацеленный на долгое оседание персонаж, а разовый порученец, польский белорус – во многом его немцы поднатаскали, а насчет советского кино не додумались...)

Отбился я от лейтенантиков, ответил на все их вопросы, вот и отпустили с сожалением душу на покаяние. А потом встретил на улице капитана с зелеными петлицами, показал документы, он и отправил куда следует.

Вот там со мной поговорили обстоятельно люди из нашей системы, не простые зеленые фуражки. И то, что я от них услышал, лишь прибавило тягостных раздумий: ясно уже, что немцы заняли пограничные районы и продвинулись вперед, ни с одной заставой связи нет с утра двадцать второго, с большинством комендатур тоже, лишь одна успела передать по телефону, что атакована большим количеством пехоты при поддержке артиллерии и танков, а через пару минут замолчала, как оказалось, навсегда...

(Лишь после войны выяснилось, что зеленые фуражки товарища Берии немцев встретили качественно, дрались как черти и не отступали. Однако о судьбе многих погранзастав и нескольких комендатур так ничего и не известно. Никого из тех, с кем я служил до войны, за сорок лет так и не встретил и ничего о них не знаю...)

Оставили меня при управлении – а уже двадцать шестого немцы вышли к Минску. Я попал в группу, вывозившую бумаги, из Минска мы худо-бедно выскочили, но вскоре напоролась на немецкие танки. Танки у них были не

особенно могучие, иные даже без пушек, только с пулеметами, но мы-то, на трех грузовиках и одной легковушке, не имели ничего, кроме пистолетов и карабинов, гранаты ни одной не было... Хорошо, лес оказался близенько. И когда я опомнился, то оказалось, что остался один. Сориентировался по солнцу и пошел на восток – а что еще оставалось?

Всякое бывало. На проселке наткнулся на пехотинцев, человек восемь. Только они меня форменным образом прогнали, даже вскидывали винтовки и щелкали затворами, сказали: немцы пограничников расстреливают на месте, вот и их могут положить за компанию, заподозрив в них переодетых пограничников. Судя по выговору, экземпляры были с Западной Украины, а по виду – свежемобилизованные.

(Тогда я им не поверил касаясь пограничников – сидела в нас иллюзия: немцы – культурная нация, да и германский пролетариат, воспитанный Тельманом, вот-вот свое слово скажет и повернет штыки против Гитлера. Быстро эти иллюзии развеялись...)

Потом меня чуть не расстреляли свои же. Вышел на большую дорогу, там на обочине стояла полуторка, а поперек дороги – десяток солдат с примкнутыми штыками под командой какого-то дерганого старшего лейтенанта. У меня были при себе все бумаги, но дерганый все равно с ходу произвел в немецкие шпионы. Железных доводов у него было два. Во-первых, что пограничнику делать так далеко от границы? Во-вторых, «почему я такой нарядный»? Ну тютя! А каким еще быть бравому лейтенанту-погранцу, в самое что ни на есть мирное время поехавшему в отпуск к родителям и девушке? Обмундирование, само собой, гимнастерка коверкотовая, синие галифе диагональные, петлицы и околыш фуражки не полевые, а сияют зеленым, что твой светофор, значки зубным порошком начищены. Пока странствовал, все изрядно помялось и запылилось, но все равно видно, что обмундировка не повседневная, а сапоги хромовые...

Сейчас, конечно, смешно, а тогда было не до смеха: дерганый, не слушая моих объяснений, приказал «расстрелять на месте немецкого шпиона», и двое его орлов уже приготовились. Спасли меня, вы не поверите, немцы: показалась их немаленькая колонна, с мотоциклистами впереди – они и дали издали пару очередей. Дерганый со своими попрыгали в полуторку и драпанули, а я, пока не заметили немцы, припустил в лес. Что хуже всего, у дерганого остались все до единой мои бумаги: не только документы, но и фотокарточка Наташки, и пара писем...

И снова я шагал в одиночестве, как тот Робинзон Крузо, и даже без Пятницы – где перелесками, где пустыми дорогами. Часов через несколько наткнулся на воинское подразделение, числом до роты, без строя и не в ногу идущее на восток. За старшего у них был майор, имелось аж три капитана, два «максима» катили...

Я по всей форме доложил майору, и он разрешил присоединиться. Насчет обстановки он меня не обрадовал: выходило, что немцы уже со всех сторон, и неизвестно, насколько обогнали, так что мы в полном окружении. И спросил с подначкой: «Ты что, от самой границы драпаешь?» Неприятная была рожа. Не стал я ему рассказывать подробности, сказал просто: «Из Минска». Хватит, думаю, с него...

Прошел я с ними немного – и быстро определил, что за публика. Сбродные из разных частей, а никакое не воинское подразделение: тут и пехота, и несколько кавалеристов, и артиллеристы, и саперы. Майор и один капитан были пехотными, а остальные двое – сапер и военюрист.

Я пошел с офицерами, пытался их порасспросить, но получалось плохо, злые они были, угрюмые, отвечали сквозь зубы, а один и вовсе отмалчивался. Выходило, что везде одно и то же: повсюду немцы, серьезных боев не видно, немецкие самолеты ходят по головам при полном отсутствии в небе сталинских соколов, мотоциклисты и танки выскакивают, как чертики из коробочки, в самых неожиданных местах, и совершенно непонятно, где наши главные силы, которым давно пора малой кровью, могучим ударом обрушиться на врага...

Мы, командиры, шли впереди, метрах в пятнадцати от солдат, и, чтобы они не услышали лишнего, чуть ли не шепотом обсуждали животрепещущую тему: почему так вышло, почему немец прет, а мы в первую же неделю войны оставили Минск? И почему германский пролетариат себя ведет совсем не так, как мы ждали?

Пехотный капитан был самый оптимистичный. Говорил: по его глубокому убеждению, немцев попросту заманивают поглубже, как это сделал Кутузов с французами в тысяча восемьсот двенадцатом году. Пусть они растянутся, распылят силы, и тогда все случится, как в знаменитом кинофильме «Если завтра война...»: все небо будет в наших самолетах, все поля – в наших танках, а там пойдет и матушка-пехота с развернутыми знаменами и военными

оркестрами. Вот только мне показалось, что убедить он хотел не нас, а в первую очередь себя...

Майор был настроен гораздо более уныло. Говорил, что проходил уже это в двадцатом году: тогда они браво двинулись на Варшаву, рассчитывая еще и на то, что польский пролетариат повернет штыки против пилсудчиков. А там, как объяснил в приказе Тухачевский, через труп белой Польши пойдём к мировому пожару. Вот только ничего из этого не вышло, у польского пролетариата национальное взяло верх над классовым. Тухачевский все это время сидел в Минске, войсками управлял исключительно по телеграфу, и когда поляки повалили столбы с проводами, произошло известно что... Так что майор на германский пролетариат не особенно и надеется.

Саперный капитан отмалчивался. Военюрист, в общем, тоже, только время от времени угрюмо бурчал одно и то же:

- Измена, к бабке не ходи... Не всю сволочь в тридцать седьмом году повывели...

Что до меня, я твердил одно: не по моим кубарям рассуждать о высокой стратегии, вот я и не берусь. Это была правда, но не вся – в глубине души я был склонен прислушаться скорее к угрюмому военюристу, чем к пехотному капитану. Не верилось мне во внезапное нападение. Уж я-то знал, сколько информации о накопивших немаленькие силы у границы немцах добыла пограничная разведка, – у нас на той стороне хватало надежных людей. Всю эту информацию пограничники не в погребе солили, как капусту, а передавали в Москву – а там сидели не сопливые лейтенанты.

(Уже после события, выбравшись к своим, я узнал кое-что, в первую очередь на версию об измене и работавшее. Оказалось, еще восемнадцатого июня из Москвы в приграничные военные округа пришел приказ: вывести войска из лагерей и привести в боевую готовность, военные самолеты на аэродромах рассредоточить. А за несколько часов до нападения немцев товарищ Берия отдал приказ пограничным войскам: занять окопы и боевые позиции, быть готовыми ко всему. Так вот, приказ выполнили все военные округа – кроме Западного особого, которым командовал генерал Павлов. Войска не тронулись с места, самолеты не то что не рассредоточились – с них сняли пушки и пулеметы, а во многих местах орудийные замки увезли в Минск якобы на какую-то проверку. Что вышло в итоге? На севере и на юге Ворошилов и Буденный отступали, что правда, то правда, но в строгом порядке, даже с контратаками,

немцам, как ни старались, так и не удалось оторвать от них и окружить более-менее крупные части. А вот через Белоруссию, то есть генерала Павлова, немцы прошли как нож сквозь масло, все окружения, разгром и нескончаемые колонны наших пленных – это Белоруссия. Прикажете поверить, что Павлова расстреляли зря? Мы тогда уже думали, что это – недострелянные остатки заговора Тухачевского...)

Мы шагали, пыля сапогами, унимая ворчавшие кишки, – все равно ни еды, ни воды. Что хуже всего, дорога не шла строго по компасу с запада на восток – порой петляла, отклонялась к другим сторонам света. Тогда шли напрямик (у майора был компас), то голыми равнинами, то, гораздо чаще, лесом – лесистые были места. По дороге попало две немаленьких деревни, издали удалось рассмотреть, что и там немецкие машины и танки, пришлось давать крюк. Казалось, немцы были везде. Понемногу создалось устойчивое впечатление, что они не просто обошли эти места справа или слева, а заняли весь немаленький район и впереди, на востоке – тоже уже немцы, рано или поздно мы в них упремся, и обойти ни за что не удастся...

Майор не говорил вслух, но, оказалось, именно так и думал. Когда перевалило за полдень, он выстроил солдат на большой поляне и толкнул форменную речь. Сказал, что уверен: мы в полном окружении, и нас, если будем двигаться в прежнем порядке, скоро обнаружат и задавят числом, а то и гусеницами. А потому он как старший по званию приказывает: закопать пулеметы (замки отдельно), разбиться малыми группами и выходить к своим самостоятельно. Сам он пойдет с командирами, и чтобы никто к ним не набивался.

Руки чесались достать пистолет (мне выдали в Минске ТТ) и загнать ему пулю в лобешник. С точки зрения устава он был никакой не командир части, но как кадровый военный должен был понимать: подразделение, пусть с бору по сосенке сколоченное, после такого приказа боеспособным подразделением быть перестанет, рассыплется черт знает во что...

Но я сдержался. Не стоило переть против доброй сотни вооруженных людей. Видел, что солдаты приказ приняли большей частью с облегчением, иные даже с одобрительными возгласами – мол, такую толпу и с самолетов в два счета перещелкают, а танки... Ну что мы можем танкам сделать без единой гранаты? А так – ловчее будет к своим пробираться, а там, смотришь, и наши главные силы подойдут. В таком вот духе. Военюрист, по лицу видно, думал то же, что и я, – явно пришел к тем же выводам, что и я, вот и получилось, что плетью обуха не

перешибешь...

Пулеметы и замки закопали, наскоро разбились по трое-четверо и стали расходиться, будто – тьфу! – публика после спектакля. Мне майор предложил идти с ними, но я отказался, особенно не раздумывая, – не мог видеть эту рожу. Какое-то время по-дурацки торчал на поляне, где людей становилось все меньше и меньше, совершенно не представляя, что же теперь делать. Тут ко мне и подошли двое, судя по ухваткам, кадровые, с пехотными эмблемами в петлицах – один моих лет, с винтовкой и противогазной сумкой через плечо, а второй лет на пять постарше, с кавалерийским карабином и двумя треугольниками в петлицах: командир отделения, по тогдашней терминологии, комотд (или, как солдаты по-свойски говаривали в отсутствие командиров, попросту «комод»), оба без головных уборов. Молодой сказал:

– Давайте вместе, товарищ старший лейтенант? Коли уж пограничник, места эти знаете...

И мы пошли втроем. Молодого звали Тарас, а комотда – Василий. Особенно мы не разговаривали – так, поначалу. Оба не без осторожности интересовались, что я, как командир Красной армии да вдобавок пограничник, человек, информированный побольше простой пехоты, обо всем происходящем думаю и как, по-моему, события будут развиваться дальше (оба были белорусы, хотя и не из этих мест). Я отвечал тоже с некоторой осторожностью: по-моему, все немецкие успехи объясняются коварной внезапностью удара, и, вне всяких сомнений, вскоре развернутся наши главные силы и выметут врага с нашей земли поганой метлой. При моих последних словах они переглянулись, как мне показалось, иронически, и комотд проворчал:

– Вторую неделю разворачиваются, знать бы только – где...

Слова его и тон мне не понравились. В другое время я бы его как следует распек за такие настроения, но время и место были неподходящие. Да и сам я не мог избавиться от тягостного недоумения: где же наши?

Шли долго, лесом. Через пару часов наткнулись на небольшую деревушку и быстро определили, что немцев там нет, – а потому рискнули и пошли туда в полный рост, они с оружием на изготовку, а я с рукой на расстегнутой кобуре. Но немцев там, как и представлялось, не оказалось. А там и местные вышли во

дворы. Смотрели на нас без тревоги и любопытства – но и, сразу видно, без дружелюбия. На наши вопросы отвечали неохотно: немцев пока что не видели, а вот наши солдаты (или, как они выражались, «радянские») пару раз через деревню проходили, и оба раза «на восход» (то есть на восток), просили поесть и напиться, а на вопросы, что творится, не отвечали, только один проворчал: «Нам бы кто обсказал, что творится...» И уже было известно, что «немчуки повсюду прут на железных самоходах» и носятся по небу как хотят, вообще говорят, что они уже всю Беларусь заняли и в Россию пошли, а «радянских» войск что-то не видно.

Дали нам напиться, дали хлеба, пару головок лука и даже кусочек сала – но с такими лицами, словно калекам одолжение делали. А одна бабка так и заявила в лицо:

– Столько лет вас кормили, а вы теперь от немцев драпаете...

Ну что тут скажешь? Пошли мы из деревни как оплеванные. А у околицы щипали травку гуси. Молодой, не заботясь, видит его кто из деревенских или нет, проворно сцапал одного, вмиг свернул шею и засунул в противогазную сумку, вытряхнув оттуда противогаз. Так, словно меня здесь и не было вовсе. Все же покосился на меня и обронил словно бы даже с вызовом:

– Если так дальше пойдет, все равно немцам достанется. А мы без жратвы далеко не уйдем...

И я, знаете, промолчал: не та была обстановка, чтобы ставить его по стойке «смирно» и напоминать о моральном облике советского красноармейца. Да и, положив руку на сердце, живот подвело, гусь был очень кстати...

Отошли мы от деревни недалеко, наткнулись на тихий ручеек в редколесье, возле него и устроились. Харч, что раздобыли в деревне, для нашей оголодавшей троицы был на один зуб, только подразнил животы...

У Комода (мужик явно был хозяйственный) нашлись и перочинный нож приличного размера, и спички. Ощипывать трофей он поручил Молодому, а потом сам сноровисто выпотрошил гуся, отрезал лапы и голову, разрезал на четыре части. Сбирать хворост отправил Молодого, а сам срезал зеленые ветки, из двух смастерил рогульки, а третью заострил и использовал как вертел – ну

правильно, сырая ветка не загорится так быстро, как сушняк.

Развели приличный костер, поварские обязанности Комод взял на себя и старательно поворачивал жарено над невысоким прозрачным пламенем. Большая дорога, оказалось, пролегла не так уж далеко – мы из своего расположения ее не видели, но отчетливо слышали шум машин, громы танков, шум конского обоза. С некоторых пор звуки эти раздавались едва ли не непрерывно – легко можно было догадаться, что идут немаленькие колонны. Один раз донесся треск мотоциклов – опять-таки, судя по затянувшемуся надолго тархтенью, проходило немалое количество.

– Немцы, – уверенно сказал Комод, медленно поворачивая уже зашкворчавшую гусятину.

– А может, наши, – возразил я без особой убежденности.

– Наши танки лязгают иначе, – сказал Комод. – И машины фырчат иначе. За неделю наслушались... Точно немцы. Дорога идет аккуратно на восход, вот они и катят...

Сам я думал в точности так же – не наши танки едут и не наши машины, – но промолчал. И так было тошно. От гуся уже тянуло аппетитными запахами, но нужно было выдержать еще немного, чтобы не лопать полусырое, – уж настолько-то мы пока что не одичали...

Когда гуся оставалось совсем немного, я почувствовал позывы в животе – вполне возможно, после голодовки сало с луком дали о себе знать. Я отошел метров на пятнадцать в лес и устроился в зарослях изрядно вымахавших диких лопухов, крайне подходящих с практической точки зрения.

Пронести, слава богу, не пронесло, но тянулось долго. Еще издали, возвращаясь к костру, я увидел, что спутники мои оживленно беседуют. Именно что увидел, а не услышал, – они прямо-таки шептались, сблизив непокрытые головы. И когда у меня хрустнула под сапогом сухая ветка – я и не крался, шел нормально, – оба друг от друга отшатнулись, замолчали.

Что-то это мне не понравилось, но я не показал виду, сел на прежнее место – но ухо держал востро. Такие вот шепотки, учитывая окружающую обстановку,

могли обернуться чем угодно. Перед полуднем, когда я часа два прошагал с «командой» майора, вдруг четверо солдат опрометью кинулись в лес, в том месте особенно густой. Вмиг исчезли с глаз. Майор сделал единственное, что мог, – запустил им вдогонку матерную тираду, а потом сказал:

– То-то ночью на привале долго шушукались... Хохлы западные, мать их так...

Вот и гусь, пожалуй что, готов. Соли нет, ну да в нашем положении не до капризов. Комод снял прут с аппетитно пахнувшей жарехой с изрядно прогоревшего костра, положил его на заранее приготовленную кучу лопухов. А потом вдруг подобрал с травы карабин и целеустремленно, с видом человека, знающего, что он делает, направился прочь от костра. Я ничего не успел сказать – он остановился метрах в пяти, повернулся к нам и сказал спокойно:

– Поговорим, лейтенант...

Молодой проворно вскочил, подхватил свой винтарь и, клацнув затвором, встал в сторонке, метрах в пяти от меня, целя не в лоб, но все же в мою сторону, так что я оказался под прицелом с двух направлений.

Ситуацию я оценил моментально и понял, что шансов нет ни малейших. Патрон у меня все эти дни, как только выехали из Минска, был в стволе, но это ничем не помогло бы: кобуру я, может, и успею расстегнуть, но не дадут мне выхватить пистолет и снять курок с предохранительного взвода, достанут не из одного ствола, так из другого, Комод затвор не передергивал, но патрон у него явно в стволе...

В голове пронеслось: вот это влип! О немецких диверсантах к тому времени широко ходили слухи. Иногда это были дурацкие побасенки (вроде такой, что у диверсантов есть рации размером с пачку папирос, по которым они вызывают немецкие самолеты). Однако я в силу службы немало знал о реальных диверсантах, ничуть не похожих на киношного идиота Дедину, притворявшихся безукоризненно. Даже если они не диверсанты, а просто сволочь, решившая переметнуться к немцам наподобие тех западных украинцев, мое печальное положение от этого не меняется – сдадут немцам в знак своей полной лояльности. Может, для того и пригласили с ними идти – в качестве этакой контрамарки. Безусловно, они решение не сейчас приняли, чуток пошептались – должны были заранее обдумать и обговорить... Глупо как попался...

Впечатление такое, что Комод понял, о чем я думаю.

– Ты не думай, мы не изменники какие, – сказал он. – Будь мы предатели, давно бы вышли к дороге и сдались немчукам. Да и тебя бы прихватили как пропуск для новой власти. Просто решили мы, братовья сродные[1 - Т. е. двоюродные.], что отвоевались напрочь. Ясно уже: что-то крепенько идет не так. И техника по дорогам пылит исключительно немецкая, и над головой исключительно немецкие самолеты носятся. И нет той оравы советских танков, про которую до войны завлекательные кина крутили. Может, ее и вовсе не было, той оравы, пропаганда все... Похоже на то, что немчук пришел обстоятельно и надолго, очень может быть, и насовсем. Еще немножко прошагать – и начнется Россия, а наша с Тарасом деревня не далее чем верстах в семидесяти, если забирать к юго-востоку. Вот и решили выйти из войны, устраивать жизнь при новом обороте дел...

Что хуже всего, он говорил без злости и даже без злорадства – веско, рассудительно, с этакой крестьянской сметкой, словно будущий урожай прикидывал. Честное слово, было бы легче, начни он орать, что ненавидит красных и всю советскую власть...

– Ах вот оно что, – сказал я со всей язвительностью, на какую был способен. – Полагаешь, немцы вас будут салом с салом кормить?

– Не полагаю, – сказал он все так же рассудительно. – С чего бы вдруг? Однако жизнь, полагаю, наступит совершенно другая. Немцы колхозов не одобряют, значит, будут раздавать землю крестьянам. Понятно, что-то себе возьмут, как же без этого, но и люду немало останется, сколько тех немцев...

– Ах вот оно что, – сказал я. – Если прикинуть... В коллективизации ты явно был не хлопцем, а здоровым парнем... У папаши, наверно, землицы было преизрядно? Столько, что до сих пор жалко?

– Мимо мишени, лейтенант, – спокойно сказал Комод. – Земли у него было не много, не мало. Столько, что и под раскулачивание не попал, но в колгосп[2 - Колхоз.] нас, ясное дело, загнали. А теперь есть нешуточная надежда и старую вернуть, и новой прирезать. Раньше как-то случая поговорить не было, кто откуда... Ты, по тебе видно, городской?

– Городской, – сказал я сквозь зубы.

– Вот... Значит, деревни не знаешь. А у крестьянина испокон веков одна мечта: как бы не только нынешнюю землю не потерять, но и новой добавить. Даже Сталин как-то сказал на людях: мужик, мол, на все на свете смотрит с точки зрения земли – добавят или убавят? Ну головастый же человек, хоть и перехитрили его, судя по всему, немцы. Думаю я, во всех странах, где крестьяне есть, мужик так именно и думает. Вот и решили жизнь обустроить. Доберемся домой околицами, зброю[З - Оружие.] припрячем, форму либо спалим в печке, либо в навозе закопаем и заживем спокойно. У меня жена и двое по лавкам, у Тараса нареченная, ждать обещала, и девка такая, что непременно дождетя. Крепко я сомневаюсь, что от немца будут обиды. Немцы – культурная нация. У меня отец в ту войну два года был в плену в Германии, так до сих пор добром вспоминает. Работал у справногo хозяина, за одним столом с хозяевами ел, на перине спал, как помещик. Я, когда стал постарше, понял по некоторым намекам за самогоном с его друзьями, что он еще и хозяйскую дочку в сарае валял с полного ее согласия. Вот и я надеюсь, что от культурной немецкой нации ущерба не понесем, наоборот, жить будем, как люди, не за палочки в журнале работать, а для себя и деток...

– Ну-ну, надейся, – хмыкнул я. – Понадеялась свинья, когда ее на свадьбу звали, что ее плясать зовут...

– Глупости говоришь, – сказал Комод словно бы даже с превосходством. – Нечего человека со свиньей равнять, свинья для сала и существует, а человек, если честно работает, достаток приобретает... Лейтенант, давай с нами? Честью предлагаю, без задней мысли. Что тебе теперь эта армия? Старая граница рухнула, а новая неизвестно когда образуется. Деревня у нас большая, не захолустная, даже электричество есть, и райцентр в паре всего верст, там железная дорога и кино... Девки у нас одна другой краше, а вот парней страшная нехватка из-за мобилизации. Подберем тебе красивую, работающую, покладистую на характер... Ты ведь, говорил, неженатый? Даже если походил по девкам, все равно не знаешь, как это приятно – с молодой женой постельку мять. Пахать-сеять ты, конечно, не умеешь, да мало ли в деревне других ремесел? Вот у тебя значок кавалерийский, значит, с конями обращаться умеешь. Только ты теперь не красный кавалерист, про которых былинные речистые ведут рассказ, – а непонятно даже и кто. А в деревне со знанием коней не пропадешь. А, лейтенант? Ты подумай, я не тороплю...

– А нечего тут думать, – угрюмо отозвался я. – Я присягу принимал. И вы ведь тоже...

– Принимали, – сказал Комод. – Только кто ж виноват, что нас запихнули в ситуевину, когда присягу, хоть ты лоб себе разбей, не выполнишь? Честное слово, мы б с Тарасом и в мыслях не держали до дому подаваться... Если б были окопы, где все б сидели, да с пушками и пулеметами, да с танками, да с «ястребками» в небе. Только не получилось никаких окопов. Танков на обочинах видели с дюжину – и все они не немцами спаленные, а танкистами брошенные, целехонькие. «Ястребок» видали только один, и тут же на него немцев штук несколько навалилось, враз запалили... Слаб оказался Иосиф Виссарионович, все пшиком обернулось... Значит, не идешь? Ну, сам себе дорогу выбрал, нечего тут речи разводить... Тарас, прихвати жаренину, только лейтенанту кусок оставь, чтобы ноги не волочил...

Молодой, придерживая одной рукой направленную на меня винтовку, присел на корточки, снял прут с рогулек и переправил гусятину в противогазную сумку. Комод сказал спокойно:

– Ну, не поминай лихом, лейтенант...

Оба отступили в чашу, вполоборота, держа меня на мушке, – и, когда пропали с глаз, судя по треску веток и кустарника, припустили бегом, чтобы оказаться от меня подальше. Я не шелохнулся. Бесполезно было. Даже вспыхни у меня желание догнать их и всадить по пуле за нарушение присяги и дезертирство, к тому же с боевым оружием, – где их искать, и пытаться нечего. Говорится же, что у беглеца сто дорог, а у погони – одна...

(В сорок четвертом я попал в Белоруссию, служить на границе с Польской Народной Республикой. И поинтересовался судьбой той деревни – Комод сказал ее название. Судьба ей, как и сотням других деревень, выпала незавидная – немцы ее в сорок втором спалили дочиستا, угнали в Германию тех, кто помоложе, а остальных, кто не успел убежать в лес, расстреляли. Культурная нация, ага. Вполне могло оказаться, что и те двое попали под раздачу. Никакого злорадства я по этому поводу не испытал – сами себе дорогу выбрали, что тут скажешь...)

Благородно мне оставили четвертушку гуся, причем с ногой. Не раздумывая долго, я отломил бо`льшую часть и съел без хлеба и соли, обглодав и обсосав косточки. Остаток завернул в лопух и упрятал в карман галифе – просалится карман моих шикарных синих бриджей, да что теперь их беречь...

Вытерев лопухами жирные руки, напился впрок из ручейка и зашагал на восток, уже бодрее, чем до того, – неплохо подзаправился. Понемногу шум на большой дороге становился все тише, а там и вовсе пропал – определенно я забрал влево, как бывает с человеком без компаса в лесу без тропинок. Шагал, и в голову поневоле лезли разные мысли...

Прежде всего я гадал о судьбе друзей-товарищей в зеленых пограничных фуражках. Уж они-то ни за что не стали бы драпать на восток. После войны стало известно, что так оно и произошло, достойно встретили немца войска товарища Берии, занявшие оборону еще в ночь перед немецким нападением. Вот только об участии многих застав, отрядов и комендатур мы ничего не знаем до сих пор и никогда уже не узнаем – живым оттуда никто так и не вышел...

Подумав тревожно о людях, я подумал и о своем Абреке – с ним-то что приключилось? Комод не на пустом месте назвал меня «красным кавалеристом» – я им и был. В городе у нас был ипподром, и давно, еще до того, как я вошел в пионерский возраст, там сколотилась группа мальчишек (было и немного девчонок), которые там пропадали, за что иногда получали дома втык – когда это шло в ущерб выполнению домашних заданий и чтению книг. Убирали в стойлах, а потом нам доверяли и поить коней, и чистить скребницами. Все, кто работал на ипподроме, относились к нам хорошо, если видели, что это не минутный каприз, а серьезное увлечение. Иногда доверяли даже немного проехаться верхом – в виде особого поощрения. И многие из «юных кавалеристов», как нас кто-то прозвал, достигнув призывного возраста, стремились как раз в кавалерию – и многие попадали. Вот и я, прикипев душой к коням, когда подошел мой год, попросился в «синие петлицы». В военкомате я был такой даже не десятый, но капитан рассудил иначе – и петлицы мне достались не синие, а зеленые, направили в Харьковское кавалерийское пограничное училище. Там я и заслужил значок «Ворошиловский конник» – гораздо более редкий, чем «Ворошиловский стрелок». Он и теперь красовался у меня на гимнастерке рядом с «Ворошиловским стрелком». До войны их разрешалось носить на гимнастерках, но после начала войны они как-то быстро с военной формы исчезли. Нет, не было запрещающего циркуляра – просто-напросто как-то и неуместно показалось носить посреди грохотавшей войны

мирные значки довоенного, во многом беспечного времени...

Потом лес стал редеть, и я вышел к довольно широкой, наезженной дороге. Почва здесь была песчаная, дожди давно не шли, и следы легко читались – пограничник должен уметь разбираться во всевозможных следах. Больше всего их было от копыт и тележных колес, но среди них виднелись и оставленные безусловно автомобильными шинами – одним-единственным автомобилем, явно тут проходила не колонна, а одинокий самоход, очень похоже, что не грузовик или легковушка, а тяжелый броневладелец, типа БА-10.

После недолгого раздумья я и двинулся по дороге – она вела на восток, пусть и не прямехонько, а с некоторым отклонением к северу, но не особенно большим. Разумеется, непонятно было, иду я к деревне или от деревни (такая дорога свидетельствует, что неподалеку есть деревня, очень возможно, и немаленькая), – откуда на такой дороге указатели и таблички? Но, в конце концов, передо мной стояла самим собой поставленная задача – не людей искать, а продвинуться как можно дальше на восток. Впрочем, если места достаточно оживленные, может, и удастся разузнать обстановку. Лишь бы там не было немцев, казавшихся уже вездесущими...

А там меж деревьями показалась и околица, первые деревенские дома. Вот тут следовало держать ухо остро, чтобы не попасть как кур в ошип... Присмотрев местечко, где подступавший к околице лес был погуще, я укрылся за толстой елью и стал наблюдать в четыре глаза, слушать в четыре уха.

Определил я правильно: через пару домов от крайних стоял броневладелец БА-10, серьезная машина на трех осях, с танковой пушкой в башенке. Калибр я с ходу определить не смог (он мог быть и тридцать семь миллиметров, и сорок пять), но такие подробности были мне совершенно ни к чему. Гораздо интереснее другое: башенный и бортовой люки распахнуты настежь, и по броневладецу, азартно переключаясь, лазают с обезьяньим проворством с полдюжины босоногих мальчишек. Двое гордо восседают на башенке, один подтягивается на стволе пушки, как на турнике (башня повернута так, что пушка смотрит в сторону), а еще двое – мать же твою! – вертят в руках снаряд от пушки. Хорошо еще, просто разглядывают, но если один из огольцов трахнет камнем по капсулю...

В том доме, возле которого стоял броневладелец, возилась в огороде женщина, не обращая никакого внимания на забавлявшихся со смертоносной

штуковиной ребятишек. Она была ко мне спиной, но, судя по оплывшей фигуре, уже в годах. В доме слева мужик лет пятидесяти лениво что-то делал с тележным колесом. Доносился, так сказать, повседневный собачий брех. Поблизости слышался стук топора – судя по интервалам между ударами, рубили дрова. Наконец, слева щипал травку табунок гусей. Судя по всему – особенно последнему обстоятельству, – немцев в деревне не было, может быть, еще не появлялись вообще. Иначе бы точно не обошли вниманием гусей, наверняка и броневедомobile. Капитан рассказывал: два дня назад они встретили на дороге тройку БА-10 и обрадовались было, но вовремя заметили на бортах свеженамалеванные немецкие кресты, черные с белой каймой. Укрылись в лесу, но броневики их обстреляли и покатали дальше, – а за ними тянулись грузовики с немецкой пехотой.

Положительно, деревня жила мирной жизнью, как до войны... И я решился: вышел из-за дерева и направился в деревню, предварительно все же расстегнув кобуру и продумав пути отхода – если не так возвышенно, прикинув, как в случае чего со всех ног припустить в лес.

Пацанята меня заметили – и дружно припустили вдоль по улице, только босые пятки мелькали. Снаряд те двое бросили – ну, он от сотрясения не взрывается, не то что иные артиллерийские калибры с ввинченными взрывателями... Я подобрал его и осмотрел – капсуль целый. Заглянул в броневик: там на своем месте лежали пулеметные диски, а в решетчатом ящике торчали острые головки снарядов – все на месте, только одно гнездо пустое, вот он, снаряд оттуда, лежит в пыли у моих ног. Помянул недобрым словом экипаж – машину они, предположим, бросили, потому что кончилось горючее, причина самая что ни на есть уважительная, но вот бросить снаряды там, где детвора запросто могла подорваться... Боекомплект целехонек – значит, за все эти дни с немцами ни разу в бой не вступили. Драпали, обогнав пехоту, или попросту не выпало случая повоевать? Да ну их к черту, незачем ломать голову...

Неплохо было бы прихватить с собой пулемет с парочкой дисков – но замучаешься тащить, и, что важнее, в одиночку против колонны не много и навоюешь, даже с двумя пулеметами... Так, приборная доска вдребезги разбита, сразу видно, не спеша и обстоятельно: ни одного целого циферблата, только осколочки стекла на полу, стрелки либо погнуты-вмяты, либо выломаны. Хоть об этом позаботились, моторные. Да и пулемет без замка...

Сзади раздался звонкий тенорок:

- Интересуетесь, военный товарищ в синих штанах?

Я вздрогнул от неожиданности, но тут же взял себя в руки и не спеша вылез. Спрашивал старичок в поношенном пиджаке со значком давным-давно отмененного общества «Друг детей», с редкой сивой бородкой на манер всесоюзного старосты товарища Калинина. Судя по лукавой хитрованской физиономии, здешний дед Щукарь, изволите ли видеть.

Оказалось, за то недолгое время, что я осматривал нутро бронеавтомобиля, возле него собралась немалая кучка деревенских: злаязычный «друг детей», две старухи, мужик крепко за сорок, три женщины того же примерно возраста и два юнца старшекласных годков – оба, кроме комсомольских значков (они тогда были не с профилем Ленина, а с буквами КИМ в кружочке – Коммунистический интернационал молодежи), щеголяли и неплохим набором значков других: тут и «Ворошиловский стрелок», и БГТО, и ПВХО[4 - Готов к труду и обороне; Готов к противохимической обороне.]. И та женщина, что возилась в огороде, смотрела на нас, подойдя вплотную к невысокому хлипкому заборчику.

Подходили еще два мужчины и две женщины – ну форменное тебе «по улицам слона водили»... Их взгляды оптимизма не внушали: двое мальчишек, правда, тарасились чуть ли не восторженно, а взрослые смотрели хмуро, недружелюбно. Навидался я уже таких взглядов за последние дни. У таких язык не повернется еды в дорогу просить. Ладно, перебебую, кусманчик гусятины есть, разве что попросить какую-нибудь баклажку или пустую бутылку под воду... Уж напиться, я думаю, дадут...

- Отступаете, значит, военный товарищ? – спросил язвительный дедок, светясь улыбочкой и поглядывая искоса на односельчан с видом успешного клоуна.

- Так сложилось, – ответил я.

- Поди, на заранее подготовленные позиции?

Тут уж я промолчал.

- В точности как в ту германскую, – сказал мужик в годах с тем напускным бесстрашием, что хуже явной насмешки. – Тоже орали все поначалу, с батюшки-

царя начиная: шапками закидаем, на вилы взденем, как сноп соломы... А потом насмотрелись... Сидишь в окопе с винтовкой, а он «чемоданами»[5 - «Чемодан» - крупнокалиберный снаряд.] забрасывает...

- Да что вы такое говорите, дядя Рыгор! - воскликнул негодуя тот из комсомольцев, что был повыше ростом. - Сравнили тоже царские времена с советскими! Красная армия, я так полагаю, разворачивается для решающего удара...

- Развернули младенца - а он обкаканный... - проворчал мужик.

Тот, что пониже ростом, спросил звенящим голосом:

- Товарищ лейтенант, а нас призывать будут? Мы в аккурат десять классов кончили в райцентре, винтовку знаем и наган, в противогазах кросс бегали...

Стоявшая рядом женщина залепила ему смачный подзатыльник и прикрикнула:

- Без тебя, сопля, повоюют!

- Без тебя успешно отступят, - поддержал глумливый дедок. - До самого до Кремля, с которого, в каком-то стихе говорится, вся земля начинается...

- Да что вы такое говорите? - воскликнул парнишка чуть ли не со слезами на глазах. - Кто ж их пустит? В Кремле товарищ Сталин!

- Может, уж не в Кремле, а в Бугульме... - проворчала та баба, что отвесила ему подзатыльник.

Видя, что готова разгореться свара, я поспешил вмешаться:

- Есть другой вопрос, товарищи. Сельсовет в деревне есть?

- Куда ж без него, - сварливо ответила воинственная баба. - Деревня большая, сельсовет полагается... Только председатель как уехал третьего дня в райцентр, так и не вертался, хоть до райцентра и девяти верст не будет... А что?

– Надо бы насчет этого что-нибудь придумать. – Я тронул носком сапога лежавший в пыли снаряд. – Их там много, ребяташки подорваться могут. Вы, я так понимаю, воевали? – повернулся я к мужику.

– Два года винтовку таскал за бога, царя и отечество, – мрачно сказал он. – Потом красные мобилизовали. Снаряд, конечно, штука опасная, это мы понимаем, да вот руки не дошли...

– К Левонтию их в колодец покидать, – предложил дедок, кивнув на близлежащий дом. – Он партийный, ему как бы и положено. В колодце-то не рванут, военный товарищ?

– Не рванут, – сказал я.

– Вот и ладненько, – кивнул дедок. – Все равно Левонтий в отъезде. Вчера запряг лошадку, посадил жену с дитем, два узла прихватил и покатил неизвестно куда. Он партийный, а партийных, слух прошел, немец крепко не одобряет...

– Надо что-то придумать со снарядами, – сказал я. – Ваши ж дети... А как с машиной было? – спросил я, кивнув на броневомобиль.

– Обыкновенно, – охотно ответил дедок. – Закатила она в деревню, замолчала и встала. Один сказал сквозь зубы: горючка кончилась. Мы их не особо и спрашивали: бешеные какие-то все трое, зыркают по-звериному, за кобуру хватаются. Поесть попросили, не так чтобы по-хорошему, люд собрал того-сего от греха подальше, они и ушли своей дорогой. А что вокруг делается, военный товарищ? Вы, я так понимаю, из командиров будете? Вон Гринька вас лейтенантом назвал. А вот я, уж не гневайтесь на скудоумного, что-то ничего флотского в вас не усматриваю. Я при царе Александре Последнем службу во флоте отбывал, так только на флоте и были лейтенанты, а на суше – исключительно что поручики...

Не было никакой охоты читать ему лекцию о советских воинских званиях, и я ответил сухо:

– Теперь и на суше лейтенанты есть.

– Скажите пожалуйста! – делано изумился вредный дедок. – Вот она как жизнь меняется причудливо. И броневики раньше были гораздо ледянее. – Он посмотрел поверх моего плеча на бронеавтомобиль. – И ползучих танков в ту войну не было...

– Были, – хмуро поправил мужик. – Это у нас не было, а в других державах были. Тимоха Стус во Франции воевал с нашей пехотой, так там были железные и ползучие... С пушками.

– И тут недосмотрел проклятый царизм! – отозвался дед. – Везде были, а у нас не было, – оглянулся на комсомольцев. – Хлопцы, я ведь политически правильные речи веду?

– Правильные, – сказал тот комсомолец, что повыше, уже несколько сумрачно. Лица у обоих уже не казались мне восторженными.

– И нынешние танки, надо полагать, проворнее и основательнее тех будут? – спросил дед. – Видел я раз издали, как они по тракту шли – здоровенные, больше хаты, и башенок с гарматами[б - Гармата - пушка.] у них было по пять даже штук, а не по одной, как вот у этого... Лучше ведь советские танки старорежимных?

Тут чуялся подвох, но я все же кратко ответил:

– Лучше.

– Отож! – воскликнул дед. – И танки лучше, и аэропланы проворнее, а все одно который день отступают товарищи военные со всех ног...

Словно некий спусковой крючок нажал, ехидна старая, – женщины наперебой загомонили:

– Который день тянутся на восход, защитнички!

– А радио со столба орало: несокрушимая, мол, легендарная... Где несокрушимая?

– Выходит, и наши детки вот так от немца бегут, если живые?

А одна бабенка, нахально глядя мне в глаза, громко пропела:

Ворошилов на баяне,

Сталин пляшет трепака.

Проплясали всю Расею

Два кремлевских дурака!

Последовал общий хохот разной степени веселости. Оба комсомольца дернулись было, но, поглядев по сторонам, угрюмо молчали.

И снова:

– Так и до Москвы допятитесь!

– Сколько вас кормили? Не в коня вышел корм!

Я стоял как оплеванный – не мог найти слов, да и не помогли бы тут никакие слова. Не за пистолет же хвататься? И главное, самому непонятно: где несокрушимая и легендарная?

Не походило пока что, будто они собираются накинуться с рукоприкладством, но легче от этого не стало: слова были хуже оплеух. Я стоял, не зная, куда девать глаза, а они подступали все ближе, кричали все громче, звучали вопросы, на которые у меня не было ответов, ядовитые реплики, за которые совсем недавно насиделись бы в НКВД от зари до заката. Комсомольцы совсем сникли, а бабы – их набежало уже десятка полтора, и двое мужиков подошли, – такое впечатление, старались перекричать друг друга, доходя даже до злословия на вождей. Скорее всего, им просто представился случай сорвать на мне зло и растерянность, – но у меня и своих хоть отбавляй, и даже в сто раз более мучительных: я, в отличие от них, кадровый военный, пограничная разведка, но ни черта в происходящем не понимаю...

И тут раздался женский голос, молодой, звонкий, укоряющий:

– Да хватит вам! Насели на парня как я не знаю кто!

Все моментально замолчали, словно повернули некий выключатель. И даже торопливо расступились на обе стороны, освобождая проход ко мне. На некоторых лицах – и у язвительного старичка тоже, и у здорового мужика, зацепившего империалистическую, – я увидел самый натуральный страх.

Совершенно непонятно, откуда этот несомненный страх взялся, – заступившаяся за меня молодая женщина вроде бы таких эмоций вызывать не должна: не старше тридцати, а то и помоложе, красивая, темноволосая и темноглазая, со скрученной на затылке калачиком косой, одетая в точности так, как здешние, – темная юбка, не домотканая, а «городского пошива», белая блузка, простые туфли. Какая-нибудь местная советская или партийная власть? Было в ней что-то неуловимо властное – осанка, голос, взгляд... Учительница, которую уважают? Секретарь парткома? В таких деревеньках обычно не бывает ни школы, ни парткома...

Она прошла ко мне меж расступившихся (и еще подавшихся назад односельчан) с таким видом, словно их здесь и вовсе нет, остановилась передо мной в каком-то шаге, окинула с головы до ног непонятным, но явно внимательным взглядом, спросила скорее сочувственно:

– От своих отстали, товарищ лейтенант?

– Можно и так сказать, – ответил я посреди всеобщего молчания. – К своим пробираюсь.

– Понятно... – кивнула она. – Устали, наверное, и ноги сбили? Есть хотите?

– Не без этого, – обтекаемо ответил я, искренне надеясь, что не выгляжу жалким и голос звучит бодро.

– Пойдемте ко мне, – сказала она просто. – Обихожу, как смогу. У меня муж в армии, я все понимаю...

Она была красивая, и, что важнее, в ней никак не усматривалось обидного сочувствия, обидной жалости – ни в лице, ни в голосе. К тому же – жена

военного. И я сказал:

– Благодарствуйте, – не без радости, что оборвалась неприятная сцена. Схватившись, отыскал взглядом вояку Первой мировой, сказал ему: – Вы уж со снарядами что-нибудь придумайте, а то вернется детвора, опять возиться начнет, может плохо кончиться.

– Сделаем, товарищ лейтенант, – сказал он торопливо, едва ли не по-уставному. – Тотчас же сам в колодец к Левонтию покидаю. Даже если и вернется, от них воде вреда не будет...

Смотрел он при этом, что характерно, не на меня, а мимо меня, на женщину. Аллах с ним, мне только и не хватало вникать в местные взаимоотношения... Женщина пошла прочь с таким видом, словно не сомневалась, что я за ней последую, – я и последовал, догнал через три шага, пошел рядом. Спросил:

– Немцев в деревне не было?

– Не наезжали пока, – пожалала она плечами. – В Жовтяны, говорили тамошние, заскакивали. Жовтяны от нас километрах в пяти. – Она показала рукой примерно на юго-восток. – Мотоциклов несколько штук и две машины вроде танков, на гусеницах, только без башен и кузова на манер грузовиков. Особого вреда людям не сделали, разве что наловили кур и гусей, сбили флаг над сельсоветом и укатили. Я так понимаю, они главными силами идут по Гомбелянскому тракту. – Она опять показала рукой. – Никто не понимает, что происходит.

– Я тоже, – сказал я, не дожидаясь вопросов, на которые не будет ответов. – Никто ничего не понимает... пока что.

– Тебя как зовут? – спросила она.

– Константин.

– Женат?

– Нет пока. – Про Наташу я упоминать не стал.

– А я Оксана. Костя, мне вот что непонятно... Ты пограничник, а значок у тебя – «Ворошиловский конник»...

Не было ничего удивительного в том, что жена военного разбирается в таких значках.

– Как тебе объяснить... – сказал я, раз уж мы как-то незаметно перешли на «ты». – Бывают пограничники пешие, а бывают конные. Вот и я такой – пограничный кавалерист, – и не удержался, вздохнул тяжело. – Видела бы ты, какой у меня конь остался, трехлеток, буденновской породы...

– Что же, ты от самой границы... отступаешь?

– От Минска, – сказал я. – Ехал из отпуска на границу, да не доехал, началось...

– Понятно. До наших добраться думаешь?

– Надеюсь, – сказал я. – Рано или поздно кончится же такое отступление. Карту бы мне еще... У тебя чего-нибудь такого не найдется? Атлас какой-нибудь...

– Вот чего нет, того нет... Я тебе потом на бумажке примерно нарисую окрестности. Это, конечно, будет не точная карта, откуда бы мне уметь карты рисовать...

– Для меня и приблизительная будет – настоящее сокровище, – сказал я с неподдельным энтузиазмом. – А то бредешь, как слепой котенок, только по солнцу и ориентируешься, а это сплошь и рядом не помогает... Оксана, неужели ты местная?

– Что, не похожа? – спросила она где-то даже с ноткой кокетства.

– Не особенно, – сказал я. – Пограничники – люди наблюдательные, ремесло такое. И по здешним деревням я поездил год. Одета ты, в общем, вполне по-деревенски, но и говоришь чуточку иначе, и фразы не так строишь, и лексикон чуточку другой...

Было еще кое-что, о чем я промолчал. От нее пахло очень хорошими духами, незнакомыми, но явно недешевыми, классными. Я не большой специалист в женской парфюмерии, служба такого знания не требовала, но аромат ничуть не походил ни на один из популярных, широко распространенных сортов. С другой стороны... Чересчур, мне кажется, духи хороши для захолустной деревни. Ну мало ли откуда у нее такие...

- Костя, ты настоящий майор Пронин[7 - Герой популярных в 30-50-е гг. детективов Льва Овалова.], - засмеялась она. - Все правильно отгадал. Я городская. Сама из Витебска, пединститут закончила в Минске, а сюда попала по распределению. В Жовтяны, в начальную школу. Там и работаю. Уже год как отработала свой срок, но трудно найти более подходящее место... Ты вроде бы удивился?

- Ты сама говорила, что Жовтяны отсюда - километрах в пяти, - сказал я. - Неужели каждый день - туда-назад?

- Приходится, - сказала она с улыбкой. - Такова уж доля сельской учительницы... Ну не каждый день, конечно, в особенную непогоду остаюсь в Жовтянах. У меня хорошие отношения с директором, мне выделили комнатку при школе. Правда, особенная непогода здесь редко бывает, очень хороший климат...

- А преподаешь что?

- Чтение, письмо и родную речь. У нас в школе нехватка педагогов, каждому приходится несколько предметов вести... Что ты смеешься?

- У меня в свое время самые плохие отметки были как раз по письму, куча двоек. Даже однажды на второй год собирались оставить. В старших-то классах и выправился, а в младших писал как курица лапой.

- Такой бравый пограничник - и бывший двоечник... Ничего, ты сейчас попал в руки к строгой учительнице. - Она стала серьезной. - Костя, я тебя покормлю, постираю форму, переночуешь у меня, а завтра пойдешь. Не такой уж еще вечер, но все равно, ночевать придется в лесу под деревом.

- Неплохо, конечно, однако... Ты, я так думаю, одна живешь? Раз муж у тебя военный, он наверняка неблизко от этих мест служит...

- В Одесском военном округе.

- То-то и оно... Что в деревне скажут, если у учительницы посторонний мужчина заночует?

- Скажут, что война. - В ее голосе прорезались словно бы высокомерные нотки. - Да и не станут языками чесать...

Выходит, я угадал правильно - учительница, которую в деревне уважают. Но я собственными глазами видел и ошибиться не мог - не просто уважают, а откровенно побаиваются. Что ж, мы люди взрослые, и я не в трамвайном депо служу. В жизни бывают замысловатые коллизии. Скажем, у нее, выразимся деликатно, особые отношения с некоторыми учреждениями, в деревне это известно, вот ее и побаиваются. Очень жизненная коллизия.

- Ну что, перестал тревожиться за мое доброе имя?

- Перестал, - сказал я. - Только насчет стирки - это ты зря. Не стоит так уж обо мне заботиться, перебыюсь. Военному человеку не привыкать...

Но подумал: неплохо было бы пойти дальше в стираной форме. Прекрасно знал, что несет от меня, как от козла, и портянки сопрели. Вымыться бы еще с ног до головы...

- Костя, не будь таким чопорным, - сказала Оксана с легкой укоризной. - Мне не в тягость, наоборот - сто лет на мужчину не стирала. Как в армии говорят, приказы не обсуждаются? Ответа не слышу.

- Так точно, - сказал я, чуть-чуть расслабившись в окружении мирной, прямо-таки довоенной жизни.

- Ну то-то... Мы пришли.

Хатка под добротной тесовой крышей была маленькая, в три окна по фасаду (одно слева от двери и два справа), а вот подворье весьма даже немаленькое: банька, сарай, колодец под двускатной крышей, огород (грядки с морковной, луковой и редисочной зеленью, несколько наливавшихся капустных кочанов,

подсолнухи и кусты непонятной ягоды, кажется, малины – никогда не был силен в садоводстве), да вдобавок картофельное поле не менее пяти соток. Причем картошка старательно прополота, только взрыхленная земля и аккуратные рядки уже набирающих высоту зеленых кустиков. Все это хозяйство окружено невысоким, но справным, ничуть не покосившимся нигде заборчиком.

Налицо пища для быстрых размышлений. Оксана – городская девушка, несомненно, за несколько лет житья-бытья здесь набралась деревенской сноровки, но все равно одной, без помощи ей трудно управиться с таким хозяйством. Напрашиваются варианты. Возможно, учительнице, которую в деревне не то что уважают, но чуточку и побаиваются, старательно помогают односельчане (в первую очередь, скорее всего, те комсомольцы). Возможно, все обстоит в соответствии с грубоватой прозой жизни и есть у нее друг сердечный, регулярно прикладывающий руки к подворью своей симпатии. Я не вчера родился и прекрасно знаю, какие порой возникают отношения у молодых и красивых замужних женщин, долго пребывающих в разлуке с мужем, – причем далеко не всегда эти отношения заслуживают не то что нецензурного, но и просто плохого слова. В конце концов, это совершенно не мое дело, я тут человек случайный, бродяга переходный и вряд ли сюда еще когда вернусь...

Скворечник на высоком шесте (судя по всему, обитаемый) имелся, а вот собачьей конуры нигде не видно, и никакая собака не выскочила на звук распахнувшейся калитки, так что я вошел во двор не боясь, что какая-нибудь беспородная шавка вцепится мне в сапог. Тщательно пошоркал подошвами по лежавшему у двери темному, крупно вязанному половику, и мы вошли. Оксана провела меня в большую комнату на два окна, явно игравшую роль горницы, обставленную довольно скромно: стол, несколько стульев, этажерка с книгами. Естественно, мое внимание сразу привлек большой фотопортрет на стене: человек лет тридцати (судя по сжатым губам и орлиному взору, мужик с характером), в гимнастерке, с медалью «За отвагу» и четырьмя треугольниками на петлицах с кавалерийскими эмблемами – значит, не старшина, а, как принято в кавалерии, помкомэск.

– Муж, я так понимаю? – спросил я Оксану.

– Он самый, лихой кавалерист, только былинные речистые о нем пока что не ведут рассказ – как и о тебе, надо полагать...

– А медаль за что?

– За Халхин-Гол.

– Значит, он в Одесском округе сейчас?

– Ага, там. Последние два года их полк стоял в Тирасполе, а сейчас и гадать не стоит, куда их закинуло. Ясно только, что куда-то закинуло, сейчас ведь всех военных с места сорвало, тебя тоже, так что сам понимаешь...

Что характерно, когда она говорила о муже, в голосе не прозвучало ни капелюшечки теплоты – скорее уж спокойное, устоявшееся равнодушие. И я уверился, что семейная жизнь у нее определенно не сладилась. Снимок законного мужа висит, а вот свадебной фотографии нет – а ведь в деревнях, да и в городах ее обычно вешают на стенку. За два года она так и не перебралась к мужу в Тирасполь – не такой уж захолустный город, который, несомненно, для девушки, родившейся в Витебске и учившейся в Минске, был бы гораздо привлекательнее этой глухомани. Предположим, замуж она вышла не так уж и давно, после того, как попала сюда, – но и тогда никто бы не запретил направленной по распределению молодой специалистке перебраться к законному мужу. Положительно, семейная лодка с пробоиной, хотя и держится на плаву – ни разу не сказала о муже, что он бывший, значит, они все еще не в разводе. Всякое в жизни случается – и не помогут тут ни орлиный взор вкупе с боевой медалью, ни полученный в Минске диплом о высшем педагогическом образовании...

Но и это меня совершенно не касалось, так что я решил больше не тешить пограничную проницательность...

– Говоря по-военному, диспозиция будет следующая, – деловито сказала Оксана. – Я схожу в баню, нагреею воды, и вымоешься как следует. Потом все твое постираю. Голым сидеть не будешь – у меня тут лежит обмундирование мужа, в котором, когда он здесь в отпуске был, с огородом возился. Стираное, разве что неглаженое. Как это говорят? Второго срока носки?

– Есть такой термин...

– Ну вот. Тебе, я надеюсь, не поперек души вечер в чужой одежде походить?

– Нисколечко, – искренне признался я. – В гражданском было бы чуточку неуклюже – сто лет гражданского не носил. А форма – самое то.

– А после баньки поужинаем... Ох, я не подумала... Может, ты голодный? И сначала поесть хочешь?

– Да нет, – сказал я. – Так получилось, что недавно поел плотно. Вот без табака тяжеленько...

– Ну это дело поправимое, – улыбнулась Оксана. – После мужа осталась пара пачек. Представляю, каково тебе сейчас, хотя уши вроде бы не опухшие...

Она достала из тумбочки непечатую пачку «Норда», спички, подала мне:

– Можешь дымить прямо здесь, я привыкла, вон и пепельница стоит. Ну, я пойду согрею воду...

И вышла, грациозная не по-деревенски. Я все же устроился на крыльце, сел на верхнюю ступеньку, на половик. Высмолил одну за другой две папиросы, так что поначалу даже голова закружилась. И сидел просто так, после всех бродяжьих – и тягостных – странствий отдыхая телом и душой. Солнце уже опустилось за верхушки ближайших деревьев – редколесье здесь вплотную подступало к деревне, и хата Оксаны была одной из крайних. Тишина стояла покойная, лишь иногда нарушавшаяся мирными деревенскими звуками: побрехивали собаки, замычала корова, загоготали гуси, простучала телега, где-то совсем близко с гиканьем пронеслась ватага ребятишек... Здесь не было никакой войны. Даже плохо верилось, что не так уж и далеко по дорогам нахально катят немцы. И ни одного самолета в небе...

Похоже, у Оксаны что-то не ладилось: из трубы небольшой баньки так и не показался дымок. Я хотел было пойти помочь ей растопить печку, но почему-то не решился, вернулся в залу. И только теперь обратил внимание на странную штуковину.

Она лежала на подоконнике рядом с чистехонькой стеклянной пепельницей. Рукоять длиной с мой указательный палец, из светлого металла, сплошь покрытая затейливым узором, и явно деревянный стержень с закругленным концом, чуть потоньше, и дерево какое-то странное, коричневое, в черных

прожилках. Не удержался, взял эту штуковину в руки, рассмотрел повнимательнее: тонкая работа, узоры искусно прочеканены, может быть, ручка и серебряная...

- Любуешься? – раздался рядом голос Оксаны.

- Интересная штука, – сказал я, торопливо и неуклюже положив ее назад. – Что это такое?

Показалось, что на ее лице промелькнуло легкое замешательство, но она тотчас ответила самым беззаботным тоном:

- Указка такая. Директор на день рожденья подарил, сказал, еще его деда, дореволюционной работы. Он у нас потомственный учитель, отец из земских... Ну все. Воды я нагрела, сейчас принесу одежду. А твою постираю потом.

Быстро она управилась... Я, конечно, ничего не сказал, остался стоять у подоконника. Оксана быстро принесла выцветшую гимнастерку с петлицами без знаков различия и эмблем, все прочее, в том числе и стоптанные сапоги. И я пошел в баню. Там было темновато, как во всякой бане, – выходявшее на зады окошечко под самым потолком было крохотным, служившим скорее для вентиляции. Стояла полная воды ванна: большая, цинковая, с расширением в одну сторону, – но взрослый уместился бы там лишь сидя. И четыре полнехоньких ведра. Я осторожно попробовал указательным пальцем: в ванне и двух ведрах оказалась не горячая, но очень теплая вода, в двух холодная. В деревянной коробочке лежало мыло, похоже, неначатое: закругленный кусок странного светло-сиреневого цвета. Пахло очень приятно. Вот два больших полотенца на гвоздике в углу были самыми обыкновенными: махровые, бело-синие.

Что-то тут не складывалось. Очень уж быстро она нагрела воду. И мыло чересчур роскошное для деревенского сельпо, скорее уж недешевое городское, к тому же невиданного мной прежде цвета – ну, в конце концов, я тут не спец и не знаю все наперечет сорта... И вот что еще...

Присев на корточки, я осторожно взялся двумя пальцами за овальную ручку чугунной печной дверцы. Она оказалась совершенно холодной, я повернул ручку и дверцу открыл. Ни малейшим жаром оттуда не шибануло: на колоснике лишь

кое-где горки сизого пепла. Ничуть не похоже, что печку только что топили, – к тому же нигде не видно ни поленьев, ни угля. И тем не менее вот она, теплая вода в ванне и в ведрах...

Я не стал ломать голову над всеми этими несуразностями – все тело зудело, особенно ноги, а тут налицо были теплая вода и мыло, так что следовало принимать все как есть. Снял первым делом портупею с кобурой и примостил поблизости от ванны – на случай, если в эту покойную тишину все же нагрянут немцы. Попасть в плен голым в бане будет вовсе уж унизительно...

Прикинул, как в случае чего драпать в редколесье, – успею, шум моторов будет слышен издали, а пешком немцы не ходят... Снял гимнастерку, отвинтил оба ворошиловских значка. Комсомольского не было – я уже три месяца как был членом партии. Вот только мой партбилет, что особенно скверно, остался со всеми прочими документами у того дерганого старшего лейтенанта, которого, очень может быть, и в живых-то нет. Поди докажи потом, что партбилет я не закопал и не выбросил...

Залез в ванну и уселся там, как турецкий султан, разве что без лоботрясов с опахалами и, что грустнее, без гаремных красоток, которых показывали в кинокартине – то ли «Багдадский вор», то ли какая-то другая заграничная, сейчас и не вспомнить. Оказалось, сиреневое мыло отлично мылится, я быстро оказался по пояс в невесомой, хрупко-дырчатой, приятно пахнущей пене. Так что распрекрасно вымылся, побряхывая от удовольствия. Облился из ведра, старательно вытерся и другим человеком себя почувствовал, бодрым и уверенным, ничуть не похожим душой на затравленного беглеца, – но, понятное дело, по-прежнему ни черта не понимал в происходящем, и не было никого, кто мог бы объяснить...

Кавалерийский старшина определенно был повыше меня ростом и в плечах пошире, так что его форма второго срока носки, в зеркало не смотришь, сидела на мне мешковато, и сапоги оказались великоваты – но все же не настолько, чтобы ноги в них хлябали. Главное, портупея моя, на меня подогнана...

Отнес свою форму Оксане, сказал, подумав:

– Как бы не увидели, что во дворе сушится... Деревенские сплетники, я так понял, тебя не напрягают, но если немцы нагрянут...

– Ничего, – сказала она спокойно. – Я все в сарае повешу, с улицы не увидят... Чаю хочешь?

– Вот от чаю не отказался бы...

Она ушла на кухню, вскоре принесла заварочный чайник, другой побольше, пузатую чашку с синими цветочками и вазочку с конфетами, забрала в охапку одежду (гусятину я, поразмыслив, вместе с жирным лопухом сунул в печку в бане) и ушла с напутствием быть как дома.

Ну, я и взялся чаевничать. Снова пошли странности: оба чайника были горячими – а ведь я не слышал, чтобы растапливала печку, да и не успела бы за столь короткое время. И конфеты оказались невиданные: шарики шоколадного цвета (и шоколадного вкуса) размером с вишню, и в них какой-то таявший во рту крем. Я снова не стал ломать голову: дареному коню в зубы не смотрят. Тем более что заварка была правильная, чуть ли не дегтярного цвета. Так что я, оставив ворот гимнастерки незастегнутым (все равно был великоват, не по моей шее), выдул три небольших чашки и подобрал почти все непонятные конфеты.

Кавалерийский старшина смотрел со стены сурово, словно хотел рявкнуть: «Чаи гоняешь, орел товарища Берию? А по дорогам немцы прут, как у себя по штрассе!» Ну посмотрел бы я на него на моем месте – мало было бы толку, кинься он в лихую атаку с клинком наголо на немецкие танки... Как у них там все же дела в Одесском военном округе? Это мы, очень похоже, оказались на направлении главного удара, а в других округах, хочется верить, дело обстоит не так уныло...

Покурить опять пошел на крыльцо. На сей раз Оксаны не было гораздо дольше – отсутствовала примерно столько времени, сколько и требуется, чтобы старательно все постирать. (Что у нее все же за фокусы с водой? Вот так и подумаешь: может, колдовство какое? Не пойдет. Во-первых, я, воспитанник советской школы, пионерии и комсомола, член партии, в колдовство решительно не верю. Во-вторых, о подобном и в детстве в сказках не читал. Не было там ничего о бытовом, так сказать, колдовстве, которым можно вскипятить воду или сделать вкуснящие конфеты, каких я в жизни не пробовал. С колдовством в сказках обстоит гораздо завлекательнее... а порой и гораздо страшнее...)

Оксана отнесла в баньку охапку одежды, потом подошла к крыльцу: рукава закатаны повыше локтя, белая блузка спереди во влажных пятнах, волосы чуть растрепались. Тыльной стороной ладони отвела с глаз выпавшую прядь:

– Заждался?

И снова в ее голосе и взгляде проявилось легкое кокетство, оставленное мною без мысленных комментариев... Я подумал и ответил нейтрально:

– Да не так чтобы... Спасибо, что для меня так старалась.

– Да какие это труды... – откликнулась она весело. – В кои-то веки настоящей хозяйкой себя почувствовала, со всеми прежними хлопотами... Покуришь еще или пойдем ужинать?

– Я б поужинал...

– Вот и пошли, хватит дымить на пустой желудок, как это у вас, мужиков, заведено...

Ужинали в горнице. Оксана надела другую блузку, синюю в белый горошек, застелила стол чистой белой скатертью с бахромой и стала проворно хозяйничать. Снова обозначились странности. Суп был как суп – с мясом, макаронами, морковкой-лучком и даже с перчиком, но опять-таки горячий, хотя у нее не было бы времени растопить печку и согреть. Хлеб необычный – вроде бы свежий белый, но не обычные буханки, а этикие каравайчики размером с чайное блюдце, духовитые, с хрусткой поджаристой корочкой. И свежайшая ветчина, как раз такая, какую я любил: сочная, почти без сала, во рту таяла, как мороженое прямо. Неоткуда взяться такой в деревенском сельпо. Ну, может, деревенские умельцы-свинобои такую делают. Хотя ветчина свежайшая, а ведь не пришло еще время резать свиней, не нагуляли еще мяса-сала. Да и на свинину не похоже, скорее уж на говядину, – но временами кажется, что и не говядина, и уж точно не баранина: из баранины сроду ветчины не делали...

Но вкусна была – язык проглотишь. И я, вспомнив совет чеховского героя «лопай, что дают», не задавая лишних вопросов, наворачивал за обе щеки, стараясь, впрочем, соблюдать правила хорошего тона за столом и не чавкать на всю деревню, как из голодного края.

Вот малосольные огурчики, тугие и хрустящие, были самые обыкновенные, с укропом и дольками чеснока. Оксана спросила, не дерет ли рот сухая ложка. Не

особенно раздумывая, я ответил, что есть немного. Она вышла и вернулась с литровой примерно бутылкой, чуть ли не по пробку полной прозрачной светло-розовой жидкости. Поставила стеклянные чарочки и пояснила:

– Местные умельцы гонят...

Чокнулась со мной и осушила свою, не закашлявшись. И не удивительно: опрокинув свою чарочку и прислушавшись к организму, я подумал: местным умельцам следует памятник поставить, хотя бы нерукотворный! Не самогонка, а нектар, впервые в жизни такую пил – в брюхо пропутешествовала, как компотик, и не было привычного легонького ожога от крепкого спиртного, и не было знакомого ощущения в глотке. Вопреки пословице первая пошла соколом, да и вторая тоже.

В голову, как и следовало ожидать, вскоре ударило, – но легко, приятно, совсем не так, как обычно ударяет самогонка. Точно, памятник нужно здешним умельцам поставить хотя бы мысленно...

Болтали мы непринужденно, но вскоре я стал замечать, что застольный наш разговор принял оборот... не подберешь определения с ходу. Интересный такой оборот. Многозначительный. Слово по уговору, мы оба не касались тягостных и непонятных событий, грянувших на рассвете двадцать второго июня. Говорили исключительно о довоенной жизни, она вспоминала забавные случаи из жизни и учебы своих школьников, а я, соответственно, забавные случаи из жизни во время службы на границе – там и смешное бывало не так уж редко. Ровным счетом никаких игривостей – и тем не менее вскоре я всерьез почувствовал этот многозначительный оборот – не в ее словах, но безусловно во взглядах, улыбках, интонациях. Именно так и обстояло, я себе ничего не нафантазировал, та самая лукавая игривость, на которую женщины мастерицы чуть ли не сызмальства, определенно присутствовала. Как-никак я вовсе не был невинным гимназистом и некоторые вещи просекал быстро. С Наташкой во время моего отпуска наконец произошло и происходило весь отпуск. Да и до того у меня еще в бытность курсантом случался, как выражался лейтенант Федя Шандыбин, тот еще ухарь насчет женских сердец, «полный и бесповоротный флирт». Не женат он был и не монашествовал, ухитряясь при этом ни разу не влипнуть в какие бы то ни было коллизии, житейские сложности и неприятные истории разной степени тяжести, – такое вот везение было у парня. Некоторые ему откровенно завидовали...

Ничего личного мы не затрагивали. Она ни словечком не обмолвилась о муже, ни разу не спросила, есть ли у меня жена или невеста, о тех самых игривых темах речь ни разу не зашла, – но все равно с некоторых пор я стал понимать, в каком направлении могут развернуться дальнейшие события. И уже не сомневался: если я хлопну еще чарочку и начнется то, что Федя, цинично переиначив идеологически выдержанную песню, называл «пойдут зеленые фуражки в яростный поход», никакого сопротивления не встречу, вовсе даже наоборот...

Однако как раз этого мне и не хотелось. Феде легче – он, по его собственному выражению, «ни разу сердцем не затрепетал», а у меня с некоторых пор обстояло совершенно по-другому. Когда мы с Наташкой окончательно решили, что поженимся в скором времени, я в последнюю ночь перед отъездом твердо пообещал хранить ей верность – и намеревался обещания не рушить. Так что держался, учено говоря, индифферентно – притворялся, что ничего не понимаю, не усматриваю потаенного смысла в ее взглядах, улыбках, интонациях. Пусть считает толстокожим чурбаном, переживу...

А потом (в бутылке оставалась еще примерно половина) я так и сказал с наигранной прямоотой:

– Оксана, извини уж... Прилечь бы, намаялся за эти дни выше крыши и дальше некуда. А уж как подумаю, что спать мне на настоящей кровати, да еще чисто вымытому... – и старательно зевнул.

(Она сама говорила, что у нее в двух комнатках есть две кровати – от прежней хозяйки остались, к ней часто приезжала какая-то родственница из дальней деревни, то погостить, то просто оставалась ночевать.)

– Ну что ты, какие тут извинения, – сказала Оксана. – Я все понимаю, не бесчувственная. Нужно тебе отдохнуть как следует, неизвестно, какая дорога выпадет...

Она ничуть не выглядела ни обиженной, ни разочарованной – хотя на ее месте иные женщины именно это бы и чувствовали. Встала из-за стола, взяла керосиновую лампу (мы уже не менее часа сидели при лампе), сказала:

– Пойдем. Нет, вон в ту дверь...

Добрую половину комнатки занимала аккуратно застеленная кровать – с никелированными спинками, довольно новая. Именно такую мы с Наташкой видели две недели назад, когда укрылись от неожиданно хлынувшего «слепого» дождя в ближайшем магазине, оказавшемся мебельным. И смешливо переглянулись, явно подумав об одном и том же. Дождь кончился быстро, как всегда бывает со слепыми дождями, и я сказал, что такое брачное ложе вполне по деньгам лейтенанту погранвойск. Кто б знал, что до войны всего неделя...

– Слишком для меня роскошно, – сказал я. – А ты как же?

– За меня не беспокойся. В другой комнате кровать тоже не старая, очень удобная, хоть и односпальная. А вот лампа всего одна. – И поинтересовалась с хмельным лукавством: – Костя, ты не боишься спать в темноте?

– Я и в детстве не боялся, – сказал я чистую правду.

– Какой ты бравый...

– Спокойной ночи... и спасибо за все.

– Благодарить будешь потом, а пока ты еще здесь... Спокойной ночи.

И вышла, унося с собой чуть колышущийся свет. Не похоже, чтобы она сердилась из-за того, что я себя показал бесчувственным пентюхом, не способным понимать нехитрую дипломатию женской души. Вот и прекрасно. Если бы она на меня обиделась, было бы чуточку неловко – так радушно приняла, а я оказался чурбаном бесчувственным. На кровати две подушки – ну конечно, супружеская постель, неизвестно сколько времени простоявшая, как выразился бы наш старшина Еремеич, заведовавший каптеркой, укомплектованной наполовину. Возможно, Оксана так легко уступила мне супружескую спальню оттого, что о браке у нее сохранились не самые приятные воспоминания, – ну да что тут гадать, совершенно ни к чему. Завтра утром я пущусь в дорогу, в полную неизвестность и вряд ли когда-нибудь увижусь еще с Оксаной...

Я немного постоял, и глаза привыкли к темноте. Правда, темнота была не такая уж чернильная – небо ясное, безоблачное, и где-то слева высоко на небе появилась полная луна, – окно выходило на зады, от баньки, сарая и шеста со скворечником протянулись четкие тени, отчетливо был различим недалекий

редкий лес. Что ж, это только к лучшему, можно просчитать пути отхода, то есть бегства со всех ног напрямик через картофельные ряды. Ночью немцы не ездят, это я уже уяснил, но могут нагрянуть на рассвете, заскакивали ж они в Жовтяны, до которых всего ничего...

Окошко было узковатое, но оборудованное на городской манер – две створки и шпингалеты. Я опустил нижний и поднял верхний, чтобы не возиться потом, в случае появления немцев, не потерять ни секунды. Приоткрыв одну створку, не спеша выкурил папиросу, пуская дым за окно, в ночную прохладу. Притворил окно, снял портупею и, особенно не раздумывая, на всякий случай спрятал пистолет под подушку. Разделся до исподнего, лег под свежую простыню, под тонкое одеяло, вытянулся, расслабился и почувствовал себя на седьмом небе – в чистой постели, сытно поужинал, в голове еще легонько шумит великолепная здешняя самогонка. Наташку бы сюда... Нет, тут же подумал я, прекрасно просто, что она далеко отсюда, там, куда не долетит и самый дальний немецкий бомбардировщик (чью дальность я прекрасно знал). Даже если учитывать, насколько далеко немцы за считанные дни прорвались, – не долетит. К тому же по пути немцев наверняка встретили бы сталинские соколы – не могла же наша славная военная авиация провалиться сквозь землю? А если еще предположить...

Я сбился с мысли – дверь тихонько скрипнула, а там и распахнулась. В комнату вторгся круг неяркого света. Лицо Оксаны в колышущемся пламени керосиновой лампы казалось совсем юным и загадочным – и чертовски красивым, еще более, чем днем.

Она была в ночной рубашке выше колен. Чтобы дойти до кровати, ей понадобилось всего-то два шага. Стоя надо мной, совершенно спокойным голосом, словно мы были сто лет женаты, сказала:

– Подвинься, ты на моем месте лежишь...

Я отодвинулся к стене, не был ни ошеломлен, ни даже удивлен – еще за столом сообразил, в каком направлении она, не особенно и маскируясь, направляет события. В башке был полный бардак. Оксана оказалась совсем близко, от нее приятно пахло тем самым шикарным мылом и гораздо сильнее – духами. Уже другими, но такими же незнакомыми и словно бы даже чуточку дурманящими...

Хотелось сквозь землю провалиться – и из-за Наташки, и из-за орла с кавалерийскими петлицами. Какой бы там у них ни случился разлад, не похоже, что они официально разведены (иначе зачем держать фотографию на стене?), значит, она все еще жена военного, который сейчас, очень может быть, не драпает, как я, а дерется с немцами. А я хоронюсь по лесам, лежу на его постели с его законной женой, в его великоватом мне исподнем... Есть из-за чего себя презирать...

Показалось, что она прочитала мои мысли: придвинулась вплотную, так что я чувствовал все ее горячее тело под тонкой рубашкой, шепнула на ухо:

– Не казись, дурачок. У нас с мужем давненько уже все разлетелось вдребезги и бесповоротно. Не упомню уже, когда вместе и спали, – он, правда, порывался, а мне было категорически не по душе. Только потому и не разводилась, что его должны были послать на командирские курсы. Развод ему помешал бы, член партии к тому же. Чуть не на коленях просил повременить до осени, вот я и пожалела лихого конника, он, в общем, человек неплохой, обид я от него не видела, врать не стану...

Не скажу, чтобы эти признания меня так уж утешили и ободрили. И я ответил тихонько:

– У меня невеста есть.

Сам понимал, что прозвучало это скорее жалобно, чем убедительно.

– А ты с ней уже спал? – спросила Оксана и тихонько рассмеялась. – Спал-спал, у тебя лицо стало этакое важное... И, наверное, был у нее первым? По лицу видно, был. Неумелая, я так полагаю, или уже набралась умения? Ничего, мы ей не скажем. А я тебя поучу такому, что невесте обязательно понравится. Скажешь, в дореволюционной книжке прочитал, она и поверит...

Я сердито молчал, вспомнив одного парня из Библии, попавшего примерно в ту же ситуацию, – и от этого разозлился еще больше и на себя, и на нее. Библию нас побуждали читать в училище – пограничнику, по долгу службы вынужденному общаться с самым разным народом, знание Библии может пригодиться (и ведь пару раз пригодилось). Разница только в том, что парень от искустельницы сбежал, а мне и бежать некуда. Федя этого парня, истины ради,

называл придурком, а один раз и вовсе непечатно...

Оксана смеялась:

– Ну вот в жизни не поверю, будто ты не знаешь на практике, что надо делать с красивой женщиной, которая к тебе сама в постель пришла... Ну что ты лежишь, как чурбан? Невесте верность блюдешь? А ты уверен, что она сейчас ни перед кем стройные ножки не раздвигает? – Ее ладонь проделала нечто довольно бесстыжее, и Оксана рассмеялась: – Не знаю уж, что ты там блюдешь, только ты в полной боевой готовности...

Глупо было бы противоречить очевидному – природа, черт бы ее побрал, поневоле брала свое. Словно бы в том же дурмане я повернулся к ней и крепко прижал к себе, ругал себя, но ничего с собой поделывать не мог. А там и ночная рубашка на пол порхнула...

Проснулся я позднеенько, в десять – ничего удивительного, уснул, когда за окном уже посерело той рассветной серостью, которая вот-вот должна перейти в синеву. Оксаны рядом не было, но через спинку кровати были переброшены моя форма и исподнее, и тут же стояли сапоги. Прошло не так уж много времени, и я подумал, что обмундировка должна быть еще сыровата – что же, Оксана спешит меня выпроводить? Однако, пощупав гимнастерку, я обнаружил, что она не просто сухая, как песок в пустыне, а еще и, сразу видно, старательно выглажена, как и мои парадные синие галифе, – что ж, Оксана должна была как следует постараться, а ведь в такой глуши в ее распоряжении наверняка был только утюг старого примитивного образца, куда сыплют раскаленные угли. Отглажено не хуже, чем в нашей командирской прачечной, которой заведовал мастер с дореволюционным стажем, вольнонаемный Самуил Маркович Лейзерович...

Хорошо, что не пришлось с облегчением стягивать старшинское исподнее, – я и так был гол, как Адам на картинах великих живописцев старых времен. Существенное отличие в том, что Адам был таковым до грехопадения, познания плотских страстей, как выражался Федя, а я этой ночью изрядно нагрешил.

Что оставалось? Я оделся, тщательно привинтив значки, замотал привычно чистейшие портянки, обулся и застегнул портупею с кобурой. На улице никаких тревожащих звуков не услышал – все так же собаки побрехивали, корова

замычала, прошли люди, громко разговаривая о каких-то мирных деревенских пустяках, немцами, сразу можно определить, и не пахнет... Все равно нужно побыстрее отсюда убираться, после ночных забав тут тем более неуютно.

Не скажу, чтобы я так уж терзался раскаянием, – в конце концов, не мальчик, которого развратная красотка изнасиловала, все это надо как-то по-другому называть и безвинной жертвой себя не выставлять. Выходит, прав был ухарь Федя, когда говорил, что верность одной-единственной хранят только импотенты и покойники, да и у импотентов есть возможность верность нарушать...

Оксана сидела за столом в горнице и безмятежно чаевничала. Осведомилась с интонациями заботливой супруги:

– Выспался?

Вид у нее был самый невинный, словно и не она розовыми губками проделывала шалости, о которых я раньше только слышал, главным образом от Феде. Ну, женщины это умеют – после самых разнузданных ночных забав выглядеть форменными монашками. И такова уж мужская натура, что я вместо самобичевания поймал себя на игривой мысли: интересно, что выйдет, если предложить это Наташке? Если только получится ее увидеть, выбраться из проклятых мест, где по дорогам, куда ни глянь, – немцы, немцы...

– Садись чай пить, – предложила Оксана с той самой интонацией заботливой – и хозяйственной – жены.

– Сейчас, только выйду ненадолго... – сказал я.

Навестил аккуратный деревянный нужник под высокой двускатной крышей, выкурил папиросу на крыльце и вернулся в горницу. Оксана налила мне чая. Снова маленькие непонятности: хлеб – вчерашние каравайчики, а вот красиво нарезанный сыр странноватый – темно-желтый в паутине синих прожилок. В жизни такого не видел, но не пустился в расспросы. На вкус оказался очень даже ничего – как и увиденные в первый раз овальные печенюшки, таявшие во рту, как вчерашние конфеты. И только покончив со второй чашкой, обратил внимание на непонятный предмет: возле правого локтя Оксаны – стеклянное на вид полушарие, полное красивых ажурных словно бы снежинок, не походивших

одна на другую. Нечто подобное я видел на столе начальника одного из погранотрядов, он сказал, что это пресс-папье заграничной работы, найденное им в тридцать девятом во время освободительного похода в кабинете офицера некоего учреждения, чьими бумагами наши очень интересовались, – и за красоту прихваченное в качестве военного трофея. Только там были не зеленые снежинки, а синие, желтые и красные завитушки, каким-то образом заделанные в стекло.

На пресс-папье я посмотрел мельком, оно меня нисколько не занимало. Вплотную встал более насущный вопрос: как бы запастись провизией на дорогу? Судя по тому, чем Оксана меня щедро потчевала вчера и сегодня, запасы у нее есть, и она над ними не трясется. Надо подумать, в какой форме это высказать, – и хорошо бы найти что-то в виде емкости для воды...

И я дипломатично начал:

– Я тебе ужасно благодарен за... все. Только не могу я в своем нынешнем пиковом положении долго здесь расслаживаться...

– Собрался в путь-дорогу? – спросила она спокойно.

– Конечно, – сказал я. – Я же присягу давал. Где-то наши наверняка налаживают оборону, мне там самое место...

– Тянет повоевать?

– Присяга, – сказал я. – И враг на нашей земле...

– Понятно. Только вот что, Костя... Я тебя прямо сейчас познакомлю с одним человеком...

С совершенно спокойным видом она положила ладонь на пресс-папье – и по горнице прошел странный долгий звук, словно тронули струну великанской гитары. И за спиной у меня раздался переливчатый, мелодичный аккорд, словно бы в ответ, – но таким звукам неоткуда взяться в простой деревенской хате, и непонятно, что может их издавать. Ясно только, что это глубоко неправильно...

Оксана, убрав руку со стеклянного полушария, смотрела куда-то за мою спину, словно бы радостно. Я обернулся – и едва не заорал от дикой непонятности происходящего.

На стене, наполовину обрезав фотопортрет бравого кавалериста, открылся высокий, аркообразный проход, длинный коридор с покрытыми мерцающими фиолетовыми огоньками стенами. И там стоял человек в какой-то странной одежде.

Я ничего не пытался понять – сработала пограничная хватка. С грохотом опрокинув стул, вскочил и схватился за кобуру. Иногда непонятное нужно, не раздумывая, встречать пулей или, по крайней мере, брать на прицел...

Человек поднял правую руку – и с его ладони ко мне метнулись полосы зеленоватого света, а прямо в лицо ударил желтый, слабо светящийся луч – показалось, в лицо с размаху выплеснули полведра воды...

Сознание померкло.

...Вернулось сознание, можно так сказать, толчком, я открыл глаза и почувствовал себя так, будто проснулся трезвым и выспавшимся, – я всегда так просыпался, когда на сон хватало времени и голова не побаливала с похмелья, что пару раз случалось. Моментально взял себя в руки и попытался в темпе оценить окружающее. Все, что произошло, я помнил прекрасно: неведомо откуда взявшийся проход в самой обыкновенной стене деревенской хаты, странный человек, которого я не успел разглядеть толком, лучи света, метнувшиеся от его ладони, желтое сияние, ударившее в лицо, как выплеснутая из ведра теплая вода, – и все это произошло наяву...

Первые ощущения и впечатления... Крайне похоже, я лежал на земле – твердой, летней, лежал прямо-таки по стойке «смирно», вытянутые руки прижаты к бокам. Наклонив голову, прижав подбородок к шее, увидел свою гимнастерку, галифе, сапоги, ремень и кобуру на нем. По обе стороны от меня и далеко впереди за носками сапог росла высокая ярко-зеленая трава, толстые стебли, заканчивавшиеся пучками длинных остроконечных листьев и цветками наподобие ландышей, только не белого, а оранжевого цвета. А дальше стеной стояли деревья в зеленой листве. Никогда раньше не видел таких цветов, да и в деревьях почудилось что-то незнакомое.

Но главное не в этом. Главное, я, как младенец в пеленки, был с головы до ног укутан в некое подобие рыбацкой сети – только ячейки в виде полукругов и сеть словно бы целиком из зеленоватого света, полупрозрачного, сквозь который четко просматривались и гимнастерка, и галифе, и портупея, и голенища сапог. Попробовал пошевелиться – и не смог, словно был связан с головы до ног. Эта чертова «сеть» не давила, ее вообще не чувствовалось, – но пошевелиться не удавалось, свободны были только голова и шея...

Солнца я не видел – такое впечатление, будто вокруг было раннее утро или вечер, а ведь только что стояло не такое уж раннее утро, день близился к полудню, и солнце должно вылезти высоко. Но вместо солнца...

Но вместо солнца высоко в небе (чутьочку не такое небо, не просто синее, а чутьочку зеленоватое) почти надо мной стояла предельно странная луна: ярко-коричневого цвета полумесяц рожками вверх – луна такой бывает либо на пределе ущерба, либо на пределе рождения, – но это насквозь неправильная луна, какой не должно быть, никак не должно!

Слева раздался спокойный мужской голос:

– Я вижу, опамятовался?

Вздрагнув от неожиданности – точнее, будто током тряхнуло, что уж там, – я повернул голову в ту сторону. Там лежало поваленное дерево толщиной примерно в обхват, на нем сидел мужчина в странной одежде и разглядывал меня с совершенно спокойным выражением лица, словно бы даже и хозяйским. Как ни в чем не бывало поинтересовался:

– Как себя чувствуешь? Надеюсь, не перепуган до смерти? Если что, у меня при себе успокоительные капли, прекрасно действуют...

В голове у меня клокотал совершеннейший сумбур, я и не пытался пока что строить никаких догадок, где очутился, каким образом и для чего все затеяно, – но кое-какие рефлексy заработали. Никак нельзя было показать слабость – особенно в таком положении. И я сказал, очень надеясь, что в голосе звучит должная язвительность и он не дрожит:

– Спасибо, нет необходимости. обойдусь без ваших капель...

– Отлично, – сказал он без тени насмешки, спокойно и деловито. – Рад, что вы оказались достаточно хладнокровным, это нам сэкономит время и труды...

Любопытная вещь наблюдалась: он словно бы неплохо говорил на чистейшем русском языке, – но в то же время слышалась, гораздо тише, какая-то иностранная речь, незнакомая, так что я не понимал ни словечка, но ошибиться не мог – так и обстояло...

– Прекрасно, – повторил он. – Давайте знакомиться. Нам с вами не один день предстоит заниматься делом, без имен просто не обойтись. Меня зовут Грйт. Тебя я уже знаю, Костатен...

Очень может быть, иначе моего имени он выговорить не мог.

– К тебе я уже присмотрелся, – сказал назвавший себя Грйтом. – И к другим, которые выглядят в точности как ты. Твой черед присмотреться ко мне как следует – я не сомневаюсь, что в твоих глазах выгляжу диковинно... как сначала выглядели в моих глазах твои соплеменники. Но я уже привык, а ты – пока нет... Присмотрись. Я не юная купальщица и смущаться не буду.

Я и без его, изволите ли видеть, позволения смотрел на него во все глаза, пытаюсь догадаться, что это за тип.

Ему, так я думаю, было лет сорок. Решительное, волевое и этакое хищно-красивое лицо, чуть вытянутое. Светло-серые холодные глаза, черные, густые, тщательно причесанные волосы до плеч. Чистейше выбрит, без бороды и усов. Особых примет нет, но в толпе безусловно не затеряется, выразительное лицо, запоминающееся. Чувствуется в нем этакая спокойная, уверенная властность, присущая старшим командирам. Все это я в темпе прокачал, как человек, знакомый со словесными портретами и сам умевший их составлять. Добавить ему вместо теперешней одежды латы – и получится сущий рыцарь со старинной картины, жесткий и безжалостный, с равным успехом способный и прекрасную даму спасти от любой напасти, и преспокойно изрубить противников, – а то и повесить пленников прикажет без малейших колебаний...

Да, одежда... Интересная одежда. Темно-коричневый то ли камзол, то ли кафтан с широким отложным воротником, застегнутый под горло массивными

пуговицами цвета серебра (а может, и серебряными), без кружев и украшений, с двумя боковыми накладными карманами, большими, квадратными, и еще одним, поменьше, впереди с левой стороны над талией, и от него к пуговице тянется массивная цепочка золотого цвета (а может, и золотая) – часы? Такого материала я прежде не видел – наподобие вельвета, но рубчики раза в три пошире. Темно-коричневые штаны из того же материала, не в обтяжку, но и не мешковатые, ничуть не похожие на казацкие шаровары былых времен. Я, разумеется, не портной, но его одежда показалась мне дорогой и хорошо пошитой. Но самое интересное – пояс и то, что на нем. Пояс крайне напоминает кольчугу – точно так же состоит из множества мелких колечек искусного плетения, с массивной вычурной пряжкой золотистого цвета (неужели золото?), и посреди нее – большой, с вишню, камень густо-зеленого цвета – отшлифованный, чуть продолговатый (неужели какой-нибудь самоцвет? Когда-то их не умели гранить, только шлифовали). Слева – ножны из темно-вишневой кожи, во всю длину крест-накрест перевитые черными лентами со множеством маленьких бляшек золотистого цвета, очень похожих на неизвестные мне цветы о шести лепестках. Меч, конечно, – солидный эфес с затейливой крестовиной, выгнутой вверх и кончавшейся чем-то вроде когтистых птичьих лап, с затейливой формы навершием, увенчанным таким же крупным зеленым камнем. Поближе к пряжке – кинжал в таких же ножнах, с такой же рукоятью и зеленым камнем; такое впечатление, что и меч, и кинжал вышли из одной мастерской, очень уж похожи по стилю исполнения. Слева – плоский футляр из коричневой кожи, с массивной застежкой, прямоугольный, вытянутый в длину, похожий на подсумок для винтовочных патронов, но не такой толстый.

Ну и сапоги – из мягкой черной кожи, высокие, чуть ли не по колено, с высокими каблуками и шпорами с зазубренными колесиками. По верху голенищ венчик из цветков золотистого колера – таких же, как на ножнах, но побольше, на ножнах они размером с двоячок, а на сапогах – с троячок.

Такие вот первые впечатления, ни на шаг не приближавшие к ответу на насущнейший вопрос: где это я оказался? Ясно уже, что это не знакомая мне Белоруссия, а какое-то другое место, – но где? Если вспомнить парочку известных фантастических романов о том, как люди нежданно-негаданно проваливались в далекое прошлое... Нет, отпадает. Я не историк, да и не большой любитель истории, но и книги исторические почитывал, и в музеях бывал, и старым оружием интересовался. Старинные люди и в самом деле носили мечи, сабли вошли в употребление гораздо позже, но вот одевались они совершенно иначе, видывал на картинках и картинах. Не берусь судить непреложно, но впечатление такое, будто его одежда, пусть и непривычного

фасона, ничуть не похожа на средневековую, стиль другой. Между прочим, одежда не просто выглядит опрятной, чистой – она еще словно бы совсем недавно прилежно отглажена, а сапоги смотрятся хорошо почищенными, ни грязи, ни пыли...

Признаться, в первый момент, когда я очнулся, а он еще не заговорил и я не разглядел его толком, мелькнула догадка, – но я прогнал эту мысль и не собирался к ней возвращаться – не просто сумасбродство, полный абсурд... Мысль была – что я угодил в лапы к немецким диверсантам, охотившимся за командирами как наиболее предпочтительными «языками». Вот уж вздор... Диверсантов я навидался, в сорок первом они частенько лазали через границу, а с наступлением лета и вовсе пошли косяком, так что я участвовал в трех боестолкновениях. И пленных насмотрелся, допросы проводил, как и сослуживцы. Какой диверсант напялил бы такую вот одежду, моментально привлекающую самое пристальное внимание, да еще меч с кинжалом нацепил? Диверсанты либо ходили в нашей военной форме, либо в гражданской одежде, опять-таки старались не выделяться – колхозник, горожанин, сельский интеллигент... Но главное – диковинный коридор, открывшийся в хате Оксаны, и этот полумесяц в небе. Никакому диверсанту не под силу такое устроить. И если подумать, вокруг вовсе не далекое прошлое – ни в каких старинных книгах ни словечком не упоминается о такой вот луне диковинного цвета и очертаний...

– Насмотрелся? – спокойно спросил Грайт.

– Насмотрелся, – постарался я ответить так же спокойно – пусть не думает, что я растерян, подавлен, смят.

– И каковы же впечатления? – осведомился он с усмешкой.

Это была именно усмешка, а не улыбка – скупая, без особых эмоций, усмешка сильного, уверенного в себе человека, не склонного давить своим превосходством, торжествовать над собеседником. Что ж, такие люди гораздо опаснее чванливых гордецов, пусть умных и хитрых, но излишне дающих волю эмоциям, неуместным в серьезном деле...

И я сказал чистую правду:

– Ты производишь впечатление серьезного человека.

– Рад слышать, – ответил он без улыбки. – Со своей стороны могу сказать то же самое. Это искренняя оценка – ты не юная девица, млеющая от приятных хвалебных словечек... Ты очень хорошо держишься. Никаких истерик, даже не дернулся ни разу, спокойно лежишь... Ты ведь уже понял, что все это, – он повел рукой, – и я в том числе, тебе не снится, не мерещится от дурманящей отравы или умственной хвори? Ты, несомненно, удивлен и растерян, но сохраняешь спокойствие и выдержку... Это мне нравится. Понял ведь, что вокруг не сон и не видение?

– Предположим, – сказал я. – Так где я? Что это за место?

– Ты очень хорошо держишься, Костатен, – повторил он одобрительно, с усмешкой. – Это позволяет питать определенные надежды... Ну, ничего удивительного, ты, я уже знаю, порубежный стражник, а туда всегда набирали сметливых и сообразительных. У нас давно нет порубежников, но мой отец и дядя когда-то служили не в войске, а как раз в порубежниках – старая семейная традиция, знаешь ли... Что это за место? Ответить, с одной стороны, просто, а с другой – невероятно сложно... Видишь ли, это другой коэн. Коэн, как бы тебе объяснить доходчивее... Знаешь, я сам не могу обсказать учеными словами, я в них не силен, как и ты, наверное. Коэн – совершенно другой мир, лежащий где-то... в общем, совсем не там, где твой. Невероятно далеко – причем я не про обычные расстояния, которыми меряют путь. Как-то по-другому далеко... и в то же время близко. Ага! Это как страницы книги – они тесно прилегают друг к дружке, существуют бок о бок, но ни одна буква не может попасть на соседнюю страницу. С коэнами обстоит несколько иначе – есть Тропы, по которым можно пройти. Что я и сделал, а потом мы оба прошли по Тропе... правда, я своими ногами, а ты у меня на плече, как мешок зерна, но это не меняет сути... Ты что-нибудь понял?

Я постарался допустить в голос побольше язвительности:

– Может, тебя это и удивит, но я понял все.

– Меня это не удивляет, а радует, – сказал Грайт бесстрастно. – Позволяет упростить дело, обойтись без лишних слов. Итак, пользоваться Тропами в вашем коэне не умеют, но какое-то представление о них имеют. Не стану тебя спрашивать, как так вышло, – совершенно бесполезные сейчас подробности. Гораздо важнее то, что ты меня понял с лету, и долгих растолковываний не

потребуется... Время нас нисколечко не торопит, но терпеть не могу излишнего многословия...

Я и в самом деле прекрасно его понял – благодаря своим литературным пристрастиям. Класа с четвертого полюбил научную фантастику, – а у дяди в чулане откопал в свое время подшивки старых журналов, не издававшихся давненько, делавших упор главным образом на приключения и фантастику. Не помню уже, «Всемирный следопыт» это был или «Мир приключений», но помню хорошо, что подшивка была за двадцать пятый год, когда я еще в школу не ходил и вообще читать не умел. Кажется, фамилия автора была Земкович или Зеликович – позже мне его вещи не попадались. А рассказ назывался «Следующий мир». Следующие миры как нельзя лучше подходили под описание того, что Грайт назвал коэнами. Там некий ученый изобрел аппарат, позволяющий в следующие миры попадать, – и пустился со своим ассистентом по ним путешествовать. Отличие только в том, что тем ученым не попались обитаемые следующие миры, где обитали бы чертовски похожие на нас люди, – а мне вот повезло... как утопленнику...

– Давай без многословия, Костатен, – сказал Грайт. – И говорить буду безо всяких уверток, чтобы ты не начал видеть во мне врага, мы должны с самого начала стать пусть не друзьями, но безусловно сподвижниками. Именно так. Вот так уж вышло... Ты нам нужен, чтобы участвовать в серьезном, важном и, поверь на слово, благородном деле. Я понимаю, ты сердит на то, что тебя так бесцеремонно... захватили. Но что было делать? По некоторым причинам ты крайне подходящий для нас человек. Вот и пришлось... как пришлось. Вряд ли бы ты согласился добром, если бы я тебе открылся и попросил содействия, верно ведь? Вот и пришлось... применить немного насилия. Я не добрый и не злой. – Его лицо было жестким, а глаза холодными. – У меня просто-напросто не было другого выхода. Цель, что перед нами стоит, – благородная и, не сочти за высокие слова, великая. Ради нее я пошел бы и на что-то большее, чем силком прихватить человека из другого коэна. Выбора, скажу тебе честно, не было. Ты по некоторым причинам подходил как нельзя лучше. Искать другого было бы слишком долго, и неизвестно, когда бы еще нашли такого же подходящего. Еще раз повторяю – у меня... у нас просто-напросто не было другого выхода. Это меня в какой-то степени извиняет, я думаю. Очень уж ты нам подходил...

– Интересно, почему? – саркастически бросил я.

– Понемногу сам поймешь, а сейчас мне хотелось бы избежать лишнего многословия. Пока что скажу одно: ты нам очень нужен, и тебе предстоит стать равноправным участником некоего предприятия. По-моему, ты ухмыляешься с явной насмешкой. Я правильно понял?

– Как нельзя правильной, – сказал я. – Красивые слова ты говоришь – равноправный сподвижник... Только где тут равноправие, если ты свободно сидишь, а я валяюсь...

Я не закончил – и не знал, как и назвать опутавшую меня сеть из неяркого света. В нашем языке таких слов вообще не было.

– Разумная предосторожность, – сказал Грайт. – Неизвестно было, как ты себя поведешь. Я боялся даже не того, что ты сдуру на меня набросишься, – сумел бы отбиться. Ты ведь мог и сломя голову припустить в чащобу, и гоняться за тобой потом...

К этому времени я окончательно убедился: ощущения меня не обманывают, вокруг шеи и в самом деле что-то вроде бы надето, словно узкий ошейник. Эта непонятность не душила, но, пока я лежал навзничь, легонько давила на шею, будто не так уж мало весила и отнюдь не из бумаги сделана. Кожей чувствовался металл. Но в расспросы я не пустился – всему свое время...

– Ну что же, и в самом деле пора тебя освободить, – невозмутимо произнес Грайт. – Ты себя показал человеком хладнокровным, так что, очень надеюсь, глупостей не наделаешь. – Он усмехнулся все той же усмешкой, словно по-другому и не умел. – Как-никак должен понимать, что я – единственная твоя опора в этом коэне, и в свой ты без меня ни за что не вернешься...

Он достал из кармана нечто вроде большой желтой стекляшки круглой формы, встал, склонился надо мной и провел ею от моей шеи к ногам, словно резал что-то. Опутавшая меня «сеть» моментально исчезла, и я почувствовал себя свободным. Встал, потряс руками, прислушался к себе – тело ничуть не затекло; если не ввали часы, – а они у меня отличные, швейцарская «Докса», некоторым образом трофейные, – с той поры, как началась вся эта чертовщина, прошло не больше двадцати минут.

Пока Грайт усаживался на прежнее место, я оценил обстановку. Пояс привычно оттягивала тяжесть пистолета, и положение мое было самое выгоднейшее: огнестрельного оружия при нем не видно, меч и кинжал против ТТ не пляшут. Могу, как учили, грамотно отпрыгнуть, даже грамотно упасть с перекатом, выхватить пистолет и взять его на прицел...

А вот дальше-то что? Требовать, чтобы он отправил меня назад? Ясно, что мужик твердый, может и под дулом пистолета не дрогнуть. Да и как я узнаю, что он в самом деле отправляет меня назад? Вновь шарахнет светом, свяжет вмиг... Выходило, он прав – единственная моя опора здесь, так что рано рыпаться...

И я остался стоять. Поднял руку к шее – тяжесть вокруг нее по-прежнему чувствовалась, – взялся за верхнюю пуговицу гимнастерки, уже чувствуя под воротом что-то жесткое.

– Не трудись, – сказал Грайт. – Вот, посмотри.

Он расстегнул верхние пуговицы кафтана – буду уж называть это кафтаном простоты ради. Под ним обнаружилась белоснежная рубашка в синюю полоску, без пуговиц, явно сшитая из одного куска, с вырезом наподобие тех, что на майках, – и там, в вырезе, на сильной шее я увидел нечто вроде ожерелья из прямоугольных звеньев, с синими и желтыми камнями посередине, скрепленными колечками того же серебряного цвета.

– Вигень, – сказал Грайт. – У тебя на шее такой же. Потому мы и понимаем друг друга.

– А что это?

– Как бы тебе объяснить... А! Это такая магия. У нас магия в ходу, правда, не таком уж большом. – Он похлопал ладонью по стволу дерева. – Садись, разговор будет не такой уж короткий.

Я сел. Достал из нагрудного кармана пачку «Корда», привычно примял двумя пальцами картонный мундштук и чиркнул спичкой. И курить зверски хотелось после всех этих чудес, и любопытно было, как этот хрен с мечом отреагирует на сие зрелище.

Зря я рассчитывал его поразить или по меньшей мере удивить. Он преспокойно достал из кармана короткую черную трубочку с прямым чубуком и матерчатый мешочек с завязками, в котором моментально угадывался кисет, распустил тесемки и принялся набивать трубку совершенно так, как это делали все знакомые мне курильщики. Настал мой черед удивиться: он достал нечто вроде синей полусферы с металлическим ободком, накрыл ею трубку и повернул ободок. Почти сразу же вырвался клуб дыма.

– Вот так. Чутьочку по-другому, и не более того. – Судя по его глазам, он разгадал мой нехитрый замысел и вмиг поставил меня на место. – Перейдем к делу? А дела складываются так: время назад... по вашему счету лет тридцать назад, когда я был еще мальчишкой, нашу страну одолели захватчики. Не обычные завоеватели – невиданные прежде создания из какого-то другого коэна. Соппротивление они сломали очень быстро, пустили в ход оружие, которому наши отцы не смогли ничего противопоставить. И с тех пор господствуют, и отнюдь не милостиво. Соппротивляться до последнего времени не было возможности. А теперь такая возможность появилась... Хочешь что-то спросить?

– Я смотрю, они оставили вам оружие, – сказал я, кивнув на его меч. – Значит, не так уж и угнетают? Насколько я знаю историю войн, победители всегда отбирали у побежденных оружие. Или вы партизаны? – Увидев легонькое недоумение на его лице, я постарался отыскать подходящие слова. – Те, кто борется против захватчиков, укрываясь в лесах?

– Вот уж нет, – сказал он. – В лесах прячутся только разбойники, а это совсем другое. Никаких пьортызан у нас нет, потому что их и быть не может. Почему так, объясню по дороге. Сейчас жаль тратить время. А оружие... Видишь ли, на них наше оружие совершенно не действует. Потому его нам и оставили.

– И магия тоже не действует?

– И магия тоже. Еще и оттого, что вся наша магия, как это сказать, мирного, повседневного характера. Вроде бы в незапамятные времена была и боевая, но никто не знает, правда это или легенды. Даже если правда, ее давным-давно нет... Словом, открытый бой невозможен. Но есть не так уж мало людей вроде нас. Мы не воюем открыто, иначе быстро оказались бы перебиты все до одного. Мы потихонечку, в глубокой тайне и с величайшей осторожностью готовим планы полного уничтожения захватчиков. – Его лицо прямо-таки озарилось хищной радостью, голос стал звонким от волнения. – И мы нашли возможность,

Костатен! Оказалось, она есть. Ватаки... захватчики ее не предусмотрели, а мы обнаружили только в самое последнее время. Мы всерьез рассчитываем перебить их начисто... но тут есть свои тонкости. Перебить их можно, но нахлынут новые. Существует такое место, сооружение, приспособление... я не могу подобрать слово, потому что его попросту нет. Простоты ради мы называем это Мост. Кто-то несколько лет назад придумал название, и оно со временем прижилось. Не хуже и не лучше любого другого, суть не в названии... Это не просто Тропа – скорее уж широко распахнутые ворота в другой коэн, большой надежный мост вроде наших каменных. Если его разрушить, ватаки окажутся отрезаны от своего коэна и не смогут быстро создать новый мост – это выяснено совершенно точно... – Он покривил губы. – Ценой не одной человеческой жизни... Ватаков у нас не так уж много, несколько сотен. Мы их перебьем раньше, чем они успеют получить подмогу. Главное – разрушить Мост. Вот в этом ты нам и поможешь.

– А у вас самих, значит, силенок не хватает? – не без иронии спросил я. – Непременно нужен кто-то из другого... коэна?

– Представь себе, примерно так и обстоит, – сказал Грайт. – Слишком долго было бы объяснять, скажу просто: далеко не каждый может проникнуть в замок, где расположен Мост. Ты – можешь. А потому я тебя и уволок безо всяких церемоний. Мы поедем к Мосту все вместе, и ты туда пойдешь, сделаешь все так, как я тебе расскажу. Это будет не так уж трудно, поверь.

– Что, придется воевать?

– Могу тебя заверить, что нет. Главная опасность для нас – сама дорога.

– Вас разыскивают?

– Можно сказать с уверенностью: пока нет. Но ехать нам несколько дней, и все может измениться. В тайну посвящено не так уж много людей, но и не столько, чтобы их можно было пересчитать по пальцам одной руки и даже двух. Предательства уже случались, шпионов и наушников у ватаков хватает. Далеко не так опасен Мост, как дорога к нему. – Он усмехнулся. – В последнее время это превратилось прямо-таки в поговорку, правда, имеющую хождение среди узкого круга посвященных. Ну вот вкратце и все, что тебе следует знать. Остальное расскажу по дороге, когда будет свободное время. Отсюда пора уезжать: место

безопасное, но осторожности ради не стоит надолго засиживаться на одном месте...

- И ты так уверен, что я с тобой поеду?

- Прости за прямоту, а куда ты денешься? - усмехнулся Грйт. - Слишком многое поставлено на кон, чтобы отпустить тебя с расшаркиваниями и вернуть назад. Говорил уже: я не злой и не добрый. У меня нет другого выбора, вот и все.

- Принуждать будешь?

- Какие глупости, Костатен, - поморщился Грйт. - Принуждением тут ничего не добьешься. Если откровенно, я в крайнем случае доставил бы тебя к месту связанным и в повозке, но это не годится. В первую очередь оттого, что так можно привлечь внимание и все провалить. Если ты поедешь добровольно, ничем не отличаясь по внешнему виду от окружающих, риск гораздо меньше...

- Ну а если я все же категорически откажусь?

- Боишься смерти? Ты воин, да вдобавок порубежник...

- Не боюсь, - сказал я. - Но у меня - своя война, от которой я не собираюсь прятаться, наоборот...

- Это недолго, - сказал Грйт. - Мост не так уж и далеко. Несколько дней, по вашему счету не более недели. Потом я отправлю тебя назад. Вряд ли это нарушит твои планы на жизнь. Не будешь же ты меня уверять, что исход войны зависит исключительно от тебя? У нас давно нет ни войны, ни войска, но кое-какие знания сохранились, да и отец с дядей были воинами, рассказывали. Ты один из превеликого множества роберов... командиров невысокого чина. Неделей раньше, неделей позже - какая разница? Насколько я могу судить, война у вас разворачивается грандиозная, в нее втянуты с обеих сторон леадры... миллионы людей, и это надолго. Успеешь еще навоеваться...

- Ну если уж совсем откровенно... - сказал я. - Как-то не особенно и тянет выступать на одной из сторон, ничего не зная ни о той, ни о другой. И откуда я могу знать, что по миновании во мне надобности ты меня и в самом деле

отправишь назад? Пока что все это не более чем слова.

– А тебе не остается ничего другого, кроме как верить словам, – спокойно сказал Грайт. – Какие тут жуткие клятвы... Откуда тебе знать, что это и в самом деле клятвы, которые нельзя нарушать, а не словесная шелуха, которую я выдумал на ходу? Придется уж верить мне на слово. – У него был вид человека, только что осененного свежей идеей. – Как насчет этого?

Он достал из кармана другой кисет, замшевый, распустил завязки и высыпал на ладонь груды зазвеневших монет размером с пятак, но чуть более грубой чеканки. Встряхнул пригоршней и сообщил:

– Это золото. Я могу после уничтожения Моста дать тебе очень много золота, столько, что еле унесешь. Я немного освоился в вашем коэне. У вас в некоторых смыслах удивительная страна. Деньгам у вас придают гораздо меньше значения, чем в других странах вашего коэна... но ведь и у вас есть люди, должным образом ценящие золото. Я точно знаю, такие люди есть. Золото у вас обращается потаенно, но имеет хождение, и на него можно приобрести много хороших вещей. Согласен, что так и обстоит?

Я поневоле вспомнил паскудного зоотехника, у которого мы три месяца назад делали обыск и нашли жестянку из-под дореволюционного печенья «Эйнем», до половины заполненную золотыми монетами, колечками-сережками. Действительно, золото любил, с немцев брал исключительно золотыми царской чеканки, и они платили – старый был агент, полезный, немало напаскудил, почему и под расстрел пошел...

– Согласен, что скрывать, – кивнул я. – Но вот меня золото совершенно не привлекает, хоть ты его бочку насыпь...

– Ну, тогда остается последний довод... – Он усмехнулся той усмешкой, к которой я стал уже привыкать. – Что ты так напрягся, Костатен? Я не собираюсь причинять тебе ни малейшего вреда, наоборот. Я тебя отпущу, иди куда глаза глядят, не буду препятствовать. Я даже не буду забирать у тебя вигень, он сам по себе делает тебя преступником, подлежащим смерти. Если у тебя найдут вигень, неторопливо сдерут кожу на площади при большом стечении народа, обожающего такие зрелища. Право же, я тебе не вру. Но это в городе, а ближайший город далеко отсюда. В окрестности лишь деревни. Места тут

глухие. Крестьяне – народ своеобразный, особенно в глуши. Чужака в диковинной одежде они, могут тебя заверить, быстренько и без затей припорют вилами. Ради пушного душевного спокойствия – а вдруг ты какой-нибудь злой дух? В городах уже не верят особенно в злых духов, но в такой глуши все иначе. Впрочем, тебе и в городе придется несладко. Предположим, ты окажешься оборотистым, скажем, убьешь одинокого путника и заберешь его одежду. И что это тебе даст? При том, что ты не знаешь о здешней жизни ничегошеньки, будешь хуже ребенка и очень быстро выдашь себя. В этом случае только два пути: либо с тебя сдерут кожу за вигень, а предварительно будут долго пытаться, чтобы установить, где ты его взял, один из самых запрещенных предметов. Либо судья окажется мозговитым и уведомит о тебе ватаков. Они, будь уверен, заинтересуются твоей персоной и, как только сдерут вигень – а они непременно сдерут, – обнаружат, что ты за пташка. И в этом случае начнутся долгие вдумчивые расспросы с пытками. Так что изволь, иди куда хочешь, ковром дорога! – Он сделал широкий жест левой рукой.

В его голосе не было ни злорадства, ни торжества, только усталая радость победителя в поединке.

– В конце концов, никак нельзя сказать, что ты уникален и незаменим, – добавил Грайт. – Спешить мне некуда, небо не падает на землю. Рано или поздно подыщу другого подходящего, который окажется сговорчивее тебя... или это сделают другие, я не единственный, кто по Тропам ходит в ваш коэн. Потеряем некоторое время, и только. Меж тем, я уже говорил, поездка займет не больше вашей недели. А потом я отошлю тебя назад. Что решишь?

Я угрюмо ссутулился на стволе поваленного дерева. Прекрасно понимал, что он загнал меня в угол, не оставив ни выбора, ни выхода. Некуда мне было деваться. Даже если он изрядно преувеличил грозящие мне в большом мире опасности, мне суждено остаться здесь навсегда...

– У меня нет выхода, – сказал я угрюмо.

– Надеюсь, ты не впадешь в черную тоску и не повесишься при первом удобном случае?

– Не дождешься, – сердито бросил я. – Ладно, я еду с тобой и подчиняюсь твоим приказам. Будь уверен, не сбегу по дороге – некуда...

– Вот и прекрасно, – облегченно вздохнул Грайт. – Я понимаю, сейчас ты зол, как демон Факата, но, надеюсь, успокоишься и перестанешь дуться... Вот что, Костатен, – сказал он уже другим тоном. – Я знаю, у тебя в этом кошеле – оружие. Можно посмотреть? Никогда в руках не держал...

В его голосе звучало неподдельное любопытство, я бы даже сказал, совершенно ему не свойственное, прямо-таки мальчишеское. С таким лицом и таким голосом просил у меня «подержать револьвер» пионер-племянник. И я поступил как тогда с Тошкой – достал ТТ, выщелкнул обойму, а за ней и патрон из ствола.

– Э нет! – воспротивился Грайт. – Положи эти штуки назад и покажи, как выстрелить!

– У вас, я так понимаю, такого оружия нет?

– И не бывало. Я знаю, там есть какой-то горючий порошок, который бросает кусочек металла так быстро, что его не видно глазом, в отличие от стрелы... Костатен!

И вновь это не прозвучало приказом – он мне снова напомнил Тошку, просившего «дать стрельнуть». Я не дал – но тут как-никак был взрослый человек, мой командир в загадочном предприятии... Так что я вставил обойму, загнал патрон в ствол, снял курок с предохранительного взвода и рукояткой вперед протянул ему пистолет, кратенько пояснив, где нажимать, и предупредив ни в коем случае не направлять дуло ни на себя, ни на меня.

Грайт выпрямился во весь рост, держа пистолет в вытянутой руке, – довольно, как и следовало ожидать, неуклюже, но твердо. Интересное у него стало лицо – словно бы пылавшее воодушевлением, не вязавшимся с его прежней холодной невозмутимостью. Сжав губы, прицелился в ближайшее дерево, росшее метрах в пятнадцати, незнакомое, с торчащими вверх ветками и пучками овальных листьев, со стволом словно бы в крупной ромбовидной чешуе. Нажал на спуск – как случается с новичками, слишком резко, пистолет подпрыгнул у него в руке. В дерево он все-таки попал, брызнули щепки, так обильно, словно туда не пистолетная пуля угодила, а крупнокалиберная или даже малокалиберный снаряд. Выстрелил вторично, снова взлетели щепки. Когда я понял, что он в азарте пальнет и в третий раз, одернул без колебаний:

- Эй, погоди! У меня осталось мало... зарядов.

Он, как ни удивительно, послушался. Протянул мне пистолет рукояткой вперед, держа пальцы подальше от спускового крючка - учился на ходу, ага, - выдохнул все с тем же восторженным видом:

- Прекрасно...

Я вложил пистолет в кобуру, пожал плечами:

- Вот так и живем...

Снова став прежним, жестким, собранным, невозмутимым, он сказал непререкаемым тоном:

- Не стоит жалеть, что патронов у тебя мало. Все равно твое оружие придется оставить здесь. Может попасть в чужие руки...

Очень интересно! Огнестрельного оружия у них нет и никогда не было, но слово «патроны» он произнес по-русски без малейшей запинки, не произнося вместо него, как уже было несколько раз, местный эквивалент...

- А какая разница? - спросил я. - Если и за вигень, ты сам говорил, с нас так и так сдерут шкуру? Или нас это не касается?

- Это всех касается, - отрезал Грайт. - Но о вигене ватаки знают, а о том, что у нас есть такое оружие, знать не должны. Я ясно выразился?

- Уж куда яснее... - проворчал я. - Ты командуешь...

Мы вновь уселись на поваленный ствол, я закурил папиросу, он - трубку. Потянулся к кармашку. Это и в самом деле оказались часы, золотые, циферблата я не видел, но обратная сторона была усыпана прозрачными шлифованными камнями, синими, красными и желтыми.

- Пора собираться в дорогу, - сказал Грайт. - Докурю только... У тебя есть какие-нибудь вопросы?

– Пожалуй, – сказал я. – Из чистого любопытства... Теперь совершенно ясно, что вы с Оксаной не первый день знакомы: то-то и еда у нее слишком роскошная для деревни, и эта стеклянная штука, и то, что она нисколько не удивилась, когда ты появился из стены... Она ваша или просто с тобой сотрудничает?

– Сотрудничает, – сказал Грйт. – Так получилось, что одна из Троп заканчивалась в ее доме. Конечно, она сначала испугалась, но мы с ней быстро нашли общий язык...

– А вот интересно, она тоже это делает ради золота?

Казалось бы, какая мне разница? Но все равно неприятно было думать, что красавица Оксана вульгарно работает на Грйта ради золотых монет, как тот зоотехник на немцев.

Резко повернувшись ко мне, Грйт чуть ли не прорычал:

– Не смей так говорить! Не все меряется золотом, вот тебя хотя бы взять...

Он тут же взял себя в руки, проворчал, отвернувшись:

– Извини, не сдержался... Но ты неправ касательно Саны.

– Ладно, – сказал я примирительно. – Честное слово, не собирался ее обидеть. Просто интересно стало, почему она с тобой сотрудничает.

– Сана – совсем другое, – сказал Грйт. – Она – каптош. Как это по-вашему... Книжный Человек. Мало того, что знает грамоту и читает книги, но и учит этому детей.

– А у вас что, грамоте не учат?

– Вот уже тридцать лет... – Его лицо было злым. – Ватаки очень быстро покончили с грамотностью. Ее не знают даже готанги.

– Это кто?

– Дай подумать... Благородное сословие. Только они имеют право владеть землей и крестьянами, носить меч. Тебе понятно? В вашем коэне есть подобные, только, Сана говорила, не в вашей стране.

Ничего непонятного – дворяне, ага. Что интересно, он говорил о привилегиях не в прошедшем времени, а в самом что ни на есть настоящем: не «имели право» владеть землей и крестьянами, а «имеют». Насколько можно судить, захватчики далеко не на все устои здешней жизни покусились...

– Я – готанг, – сказал Грайт. – И Алатиэль тоже. Тебе, кстати, тоже предстоит выступать в облике готанга, так для тебя гораздо выгоднее и избавит от многих хлопот. Вот насчет грамотности... Меня успели обучить грамоте. А вот следующие поколения... Алатиэль грамоты не знает вообще.

Он уже дважды произнес это имя – с таким видом, словно это имело сейчас какое-то значение. И я спросил:

– А кто такой Алатиэль?

– Кто такая, – поправил Грайт. – Девушка. Двадцати лет, но полагаться на нее можно всецело. Во время Вторжения погибли ее родственники, а готанги таких вещей не забывают, правда, не все... Алатиэль едет с нами. Надеюсь, у тебя нет предрассудков касаясь участия молодой девушки в столь серьезном деле?

– Никаких, – сказал я.

Откуда взяться предрассудкам? Женщины – иногда совсем молодые – в истории революции широко отметились. Речь идет не только о тех, кто в Российской империи стрелял в царских сатрапов и вел пропаганду. Группой бомбистов, упокоивших императора Александра Второго, руководила молодая женщина Софья Перовская, а в Гражданскую отлично себя показала героический комиссар Лариса Рейнер. Ну а в более близкие к нам времена достаточно вспомнить Пассионарию, Долорес Ибаррури.

Увы, хватает и примеров, когда женщины выступали на стороне контрреволюции. Одного из вождей Великой французской революции Марата зарезала кинжалом юная дворянка Шарлотта Корде. И в Ленина на заводе

Михельсона стреляла в восемнадцатом году женщина...

– Ватаки очень быстро истребили каптошей, – продолжал Грайт. – Запретили не только учить грамоте, но и держать дома книги. Кое-кто, конечно, запреты нарушал – у нас дома было целых десять, в тайнике, конечно. Любого, у кого найдут книгу, ждет... нечто похуже смерти. Грамоте и счету разрешают учиться только лугенам... купцам. Торговлю ватаки, в общем, не тронули, а ее вести невозможно без знания грамоты и счета. Ну и еще лекари – приготовление лекарств часто связано с расчетами. Еще часть судейских и стражи. Все остальные безграмотны. Безграмотными гораздо легче управлять...

Тут я был с ним совершенно согласен. Правда, в Средневековье, да и позже, крупные крестьянские восстания и городские мятежи проходили без всякой грамотности, вспыхивали исключительно благодаря усилиям тех, кого бы мы сегодня назвали агитаторами и пропагандистами. Вот только они всегда кончались поражениями. Как только широко распространились книги, брошюры, газеты и листовки, революции стали одерживать победы: и Великая французская, и Великий Октябрь, и много других помельче...

– Сана – Книжный Человек, – сказал Грайт. – Когда она отошла от испуга и у нас наладился разговор, ее очень заинтересовало все, что я рассказал. Так что она мне помогает не за золото, а по велению души. Вот только я в последние дни всерьез за нее беспокоюсь – у вас началась большая война и уже достигла ее деревни. Пожалуй, если все благополучно кончится, я ей предложу забрать ее сюда. Здесь ей будет гораздо безопаснее...

В его интонациях я уловил искреннее беспокойство... и кое-что еще. Не удивлюсь, если это были чувства. Что ж, она красавица, а ему всего-то лет сорок. Пусть хоть под венец идут, мне без разницы...

– У тебя будут еще вопросы? – спросил Грайт.

– Нет, пожалуй что...

– Отлично, если захочешь узнать еще что-то, расскажу по дороге. Ехать нам долго, времени будет достаточно... Пора позвать Алатиэль. Она там от нетерпения места себе не находит...

Он вынул из кармана что-то очень напоминающее костяную дудку с парой странных вырезов, приложил к губам тонкий плоский конец – и далеко разнеслись звуки, больше всего напоминающие протяжный, довольно мелодичный крик какой-то птицы. Нечто вроде охотничьего манка, надо понимать. Очень подходящая штука для леса, – а мы явно в лесной глухомани, Грайт ничуть не обеспокоился, что кто-то может услышать выстрелы – невероятные в этом мире звуки...

Я стал смотреть в ту же сторону, что и Грайт. Вскоре меж деревьев показалась идущая к нам быстрым шагом девушка – в ней очень быстро опозналась девушка, несмотря на мужскую одежду и меч на боку, который она придерживала со сноровкой человека, привыкшего носить это оружие.

Она остановилась передо мной – тот же наряд, что у Грайта, только светло-сиреневый, с кружевами того же цвета на рукавах и воротнике. Меч и кинжал на поясе, на правом запястье – золотой браслет с синими камнями. Интересно, платья у них есть?

Очаровательная была девушка, враз отгонявшая любые посторонние мысли... Тонкое личико, как на полотнах старинных итальянских живописцев (видывали, как же!), прямой носик, пухлые розовые губы, большущие серые глаза, очень выразительные. Темно-русые волосы собраны на спине в недлинную тонкую косу, перевитую золотистой тесьмой с желтыми камешками. Голенища черных сапог точно так же украшены венчиком золотых цветов – я решил, что вместо слов «серебристого» и «золотого цвета» следует употреблять «серебро» и «золото». Дворяне все же. Готанги, чтоб им ни дна ни покрывки...

В ней не было ничего мужеподобного – употребляя слова из нашего мира, просто-напросто ладная, спортивная девочка. Подпольщица, изволите ли видеть. Ну что же, таких и в нашем мире хватало... Лишь бы и в самом деле оказалась надежным спутником в опасном предприятии...

Она взглянула на Грайта вопросительно, словно бы даже с нешуточной тревогой – сразу видно, гораздо хуже умела скрывать эмоции, чем ее командир. Не знаю, сколько их еще поблизости, там, откуда она пришла, но командиром у них явно Грайт...

– Все в порядке, Алатиэль, – сказал Грайт. – Костатен проникся нашими бедами и любезно согласился нам помочь. – Он усмехнулся (будьте уверены, той же самой улыбочкой, словно скроенной по шаблону). – Однако у меня остается впечатление, что в глубине души он сердится, а то и злится за столь бесцеремонное приглашение в наш беспокойный коэн. Как будто у него там спокойно...

Алатиэль, прямо-таки просияв, подошла ко мне вплотную, положила мне на грудь узкую изящную ладонь – в золотом перстне сверкнул на солнце большой синий камень – и мелодичным голоском произнесла:

– Костатен, не сердись на нас, ладно? У нас не было другого выхода, правда. Ты ведь нам поможешь? У тебя лицо хорошего, отзывчивого к чужой беде человека...

Ах, как она старалась быть милой простушкой! Глазищи, что называется, распахнула до души, нежный голосок звучит просительно, прямо-таки умоляюще, и смотрится она такой беззащитной, что поневоле рвешься заслонить ее широкой мужественной грудью от всех на свете опасностей и невзгод...

Не думаю, что она была такой уж коварной. Просто-напросто я не вчера родился и давно свыкся с привычкой красивых девушек таким именно голосочком и с таким именно лицом просить о каком-нибудь одолжении – разве что до сих пор речь шла о пустяковых, мирных, бытовых делах. Уж такими милыми и беззащитными простушками выглядят, лисички...

– Ты ведь поможешь и не будешь злиться? – проворковала она, глядя снизу вверх восхищенно и прямо-таки замороженно. – Конечно, Грайт с тобой поступил... довольно бесцеремонно, но ты должен его понять. Задача у нас самая благородная – освободить самую большую на материке страну от проклятых захватчиков... Или тебе нужно золото? – Она оглянулась на Грайта. – Грайт, ты ведь ему говорил, что мы можем дать много-много золота?

Грайт усмехнулся:

– Говорил, конечно. Но от золота он отказался, готов нам помочь из душевного благородства...

– Я сразу поняла, что у него благородная душа! – воскликнула Алатиэль, послав мне вовсе уж чарующий взгляд (в котором, будем справедливы, все же не усматривалось опытной блудливости ветреной красотки). – Пойдемте? Солнце уже высоко, хорошо было бы пообедать перед дорогой...

Они мне напомнили прекрасно знакомую парочку из нашей комендатуры, двух следователей, весьма успешно работавших как раз на контрасте. Изобличенный, но до конца не расколотый супостат попадал сначала к Паше Кондратенко. Нет, не стучал кулаком по столу, не орал, не грозил жуткими карами – разговаривал спокойно и без матерных слов. Вот только матушка-природа наделила его жутковатым обликом страдавшего со страшного похмелья неандертальца, свежего подследственного способного напугать до колик. А когда собеседник приходил в должный градус растерянности и паники, Пашу сменяла Нина Бакрадзе, черноволосая и черноглазая красавица, невероятно обаятельная, казалось, не способная обидеть и мухи (и кто бы рассказал подследственному, что у нее на счету собственноручно застреленный диверсант и еще двое взятых боевым самбо?). И начинала разговор так, что у собеседника быстро возникало желание открыть всю душу до донышка красавице с нежным голоском и сочувственным взглядом. У Паши и Нины, работавших в паре уже два года, практически не было осечек, полковник Альмиров даже собирался их представлять к орденам Красной Звезды после того, как раскололи крайне серьезного бобра с той стороны, нацелившегося было уйти в глухую несознанку...

Грайт энергичным шагом двигался впереди, открывая мне незащищенную спину, – ну конечно, прекрасно все просчитал и ничуть не боялся, что я шамальну ему в затылок. Шмальнуть нетрудно, но куда я потом денусь? Алатиэль шагала рядом и порой бросала на меня любопытные взгляды, по-моему, уже вполне искренние, без притворства. Один раз явно хотела что-то спросить, но сдержалась.

Шли недолго. Вскоре оказались на вершине пологого склона, а внизу, на обширной поляне, стоял у широкого ручья немаленький дом в один этаж, с двускатной крышей из дранки и крыльцом с резными балясинами перил и навесом. Я заметил, что ни стекол в окнах, ни трубы не было. Архитектура странноватая, но не такая уж диковинная. Что-то не походило это строение на простую крестьянскую избу...

– Охотничий домик, – словно угадав мои мысли, пояснил Грайт.

– Твой? – спросил я.

Коли уж он имеет право владеть землями (и крестьянами), то, скорее всего, и владеет. Что-то не похожа эта парочка на захудалых дворян, перебивающихся с хлеба на квас...

– Нет, – сказал он бесстрастно. – Мои земли довольно далеко отсюда, в нескольких днях конного пути. Дом для всех, даже неблагородным разрешено им пользоваться. На охоте обходятся без изрядной части сословных привилегий...

Слева от дома протянулось сооружение отнюдь не диковинного вида – самая обычная коновязь, тонкие бревна на основательных столбах. Длинная, рассчитанная на добрых пол-эскадрона, – но лошадей я усмотрел всего шесть, две с большими переметными сумами и четыре оседланных. И водопойные корыта из цельных колод тоже не выглядели диковинно.

Лошадей?! Мы подходили к коновязи сбоку, и я очень быстро рассмотрел, что эти животные только похожи на лошадей. Примерно того же роста и величины, но шеи раза в два шире, чем у привычных мне лошадей, головы гораздо длиннее, уши тоньше и острее. А главное, покрыты шерстью наподобие овечьей – густыми кучерявыми завитками разного цвета, от почти черного до светло-желтого, разве что на ногах и голове шерсть не такая обильная...

Правда, седла, сбруя и уздечки не представляли собой ничего особенного – чуточку иные, и только. Диковинные животные стояли смирно, помахивая длинными хвостами, – вокруг вилась какая-то насекомая фауна вроде крупных мух. И запах навоза, наваленного половиной из них, оказался знакомым, привычным.

– Ну вот, понял кое-что? – спросил Грайт, остановившись в нескольких шагах от коновязи. – Мне требовался не просто человек из вашего коэна, а хороший наездник. Их у вас мало, куда ни глянь – эти фыркающие и воняющие самобежные повозки. В деревнях у вас лошадей хватает, но крестьянин не годился, нужен был не просто конник, а воин. Не бойся, они не кусаются. Это йорки. Играют совершенно ту же роль, что в вашем мире кони. И питаются зерном и травой, а не припозднившимися путниками. Я озаботился тебе подобрать ничуть не норовистого. Вот этот, рыжеватый, твой йорк. Попробуй

быстренько с ним подружиться, – он усмехнулся. – Или боишься?

Легкую насмешку в его голосе я заметил. И ответил сухо:

– Ты знаешь, не боюсь. Интересно, а ты чего-нибудь боялся в нашем коэне? Я так понимаю, ты там несколько раз был...

– Может, это тебя и разочарует, но я не увидел в вашем коэне ничего, чего следовало бы по-настоящему бояться, – спокойно сказал Грайт. – Многие поначалу вызывало удивление, порой даже изумление, но не более того. Алатиэль держалась точно так же... Хотя... – Он усмехнулся, взглянув на девушку. – Она многому изумлялась гораздо больше, чем я. Молода еще.

– И далеко не всему, – живо возразила Алатиэль. – Многие мне понравилось с самого начала. Особенно эта замороженная сладость, которую продают в съедобных чарочках. Страшно вкусно. У нас ничего подобного нет, если бы Грайт не сдерживал, я бы объелась...

Интересно, подумал я. Мороженое в вафельных стаканчиках они могли попробовать только в городе, в деревнях его пока что не продают, не настолько еще выросло благосостояние трудящихся, несмотря на усилия товарища Микояна. Значит, посещали какой-то город? Конечно, с вигенями они не были бы приняты за иностранцев, а в платице из нашего магазина Алатиэль ничуть не отличалась бы от простой советской девушки, но вот Грайт...

– Что ты так задумчиво нахмурился, Костатен? – с любопытством спросил Грайт.

– Да думаю вот... – сказал я. – Вы, я так понял, были в городе?

– В городе, как нам объяснили, не в большом, но и не маленьком. Название я не запомнил, уж не посетуй, – диковинное для нашего уха, как и для твоего, могу спорить, будут наши названия. И особого внимания не привлекли.

– Это-то и чуточку странно... уж не посетуй, – сказал я. – Конечно, если Алатиэль и привлекала внимание, то только красотой, а вот ты... У нас мужчины стригутся гораздо короче, с такими прическами, как у тебя, мало кто ходит... Или ты тогда был стрижен коротко?

– Ничего подобного, в точности как сейчас. Но внимания не привлекал совершенно. Видишь ли, все было тщательно продумано. Не думаешь же ты, что я пустился по городу, не подготовившись как следует? Несколько дней провел в беседах с Хранителем Тропы в том городе. Он, как и Сана, – Книжный Человек, учит детей, но не маленьких, как Сана, а постарше. Наука, описывающая ваш коэн...

– География?

– Да, вот это слово. Знаешь, когда я первый раз появился, он испугался гораздо меньше, чем Сана, и поладили мы с ним гораздо быстрее. Он и надоумил. Я ходил по городу в черной одежде вашего жреца, наподобие женского платья. Жрец был... кьотьоликь. В городе был большой храм, и Книжный Человек заверил, что таких жрецов в городе много, местных и приезжих, и я не буду бросаться в глаза. Так оно и оказалось. У меня была с собой картинка, и портной сшил мне здесь очень похожую одежду. Конечно, мы ходили по городу очень недолго...

– А мне так хотелось посмотреть, как на белом полотне показывают живые картины... – с прямо-таки детской обидой протянула Алатиэль. – Но ты торопил...

– Надеюсь, еще будет случай, – с видом величайшего терпения сказал Грайт, взглянув на нее как взрослый на малого ребенка, требующего луну с неба. – Не стоило рисковать. Я так и не спросил у нашего гостеприимного хозяина: а вдруг таким жрецам не позволено посещать такие зрелища? И ко мне мог подойти такой же жрец, завести разговор о жреческих делах... и как бы я тогда выглядел? Мы же ради развлечения туда отправились...

– Все я понимаю, – заверила Алатиэль. – Просто жалко, что не удалось. Это было какое-то очень смешное зрелище, на улице слышно было, как хохочут зрители... Знаешь что, Костатен? Ты только не обижайся и не сердись. Холодное белое лакомство мне понравилось страшно, а вот ваши женские платья, прости, ничуть. Какие-то они... простоватые, и украшений на ваших женщинах почти не видно. Им, должно быть, скучно так ходить.

Очень мило, подумал я, представив Грайта в сутане католического ксендза. Получается, они создали у нас целую шпионскую сеть, расхаживали по улицам как ни в чем не бывало... может, и сейчас кто-то расхаживает. Интересно, как

обстоит с документами? Есть ситуации, когда их могут проверить, особенно теперь, в военное время. Или они и с документами что-нибудь придумали? Мало ли на что способна их магия... А впрочем, тревожиться не о чем. В конце концов, они не имеют ничего общего с обычными шпионами нашего мира. Хотя расхолаживаться и терять бдительность рано. Сегодня они ради каких-то своих надобностей утащили к себе лейтенанта пограничных войск, а завтра, чего доброго, нагрянут страшно подумать куда, страшно подумать к кому... При том что пограничные заслоны на их чертовых Тропах ни за что не поставит, проникать в наш мир они могут беспрепятственно, и я не вижу возможностей с их агентурой успешно бороться: кто бы мог подумать, что в простой крестьянской хате обычной сельской учительницы скрывается Тропа, и в каком-то неизвестном по названию городе, очень может быть, и не советском... где еще?

– Но вот что мне понравилось в вашей женской одежде... – начала Алатиэль, похожая сейчас на обычную красивую девчонку, а не подпольщицу, пусть даже на поясе и висел меч.

– Алатиэль, сейчас не время, – сказал Грайт ничуть не приказным тоном, терпеливо и даже с некоторой мягкостью – как я подметил, он именно так с ней и держался. – О платьях и прочем будете говорить в дороге, путь долгий и можешь сколько угодно болтать о пустяках... Сейчас нужно, чтобы Костатен побыстрее освоился со своим йорком. Сахар у тебя с собой?

– Как всегда, Грайт.

Она полезла в карман и протянула мне бугристый полотняный мешочек.

– Э нет, – сказал Грайт. – Не стоит слишком баловать хорошего йорка. Достаточно и того, что ты свою Лютфию, стоит мне отвернуться, сахаром балуешь...

Он достал из мешочка и протянул мне большой кусок коричневого сахара, бросил:

– Этого будет достаточно. Иди знакомься.

Я подошел к указанному мне йорку безо всякого страха – это было не сказочное чудовище диковинного вида, а верховой конь, пусть и непривычного облика. Он спокойно повернул голову, кося на меня огромным лиловым глазом. Пахло от него чуточку непривычно, но все же это был запах здорового, сильного, спокойного животного.

– Привет, как поживаешь? – спросил я и похлопал ладонью по сильной теплой шее, покрытой тугими завитками рыжеватой шерсти. Похоже, его недавно хорошо вычистили.

Протянул на ладони кусок сахара. Йорк взял его с ладони совершенно так, как это в обычае у наших коней: осторожно, одними губами, захрустел, дружелюбно фыркнул мне в лицо. Хоть что-то мне пришлось по сердцу в этом мире...

– Между прочим, его зовут Шупташ, – сказал у меня за спиной Грайт. – Теперь попробуй проехаться.

Я отвязал повод, привычно вставил ногу в стремя и взмыл в седло. Послал Шупташа вокруг обширной поляны, сначала шагом, потом перешел на рысь. Сразу угадывался хорошо выезженный конь (так уж и буду удобства ради именовать его и далее) – прекрасно слушался поводыев, а когда я решился дать шенкеля, отреагировал в точности так, как наши кони: перешел на крупную рысь. Ну что же, приемы и хватки верховой езды наверняка в обоих мирах схожи – не так уж и много вариантов...

– Отлично, – одобрительно сказал Грайт, когда я спешил и привязал коня к тому же кольцу. – Сразу видно, что у вас все идет на лад. Пойдем, переоденешься.

Я пошел вслед за ним к высокому крыльцу, поднялся по добротным, ни разу не скрипнувшим ступенькам. За дверью обнаружилась просторная, длинная, совершенно пустая комната (если не считать широкой лавки в углу), куда выходило несколько резных дверей. Сразу почувствовалось, что это заведение не для простого народа – лавка, уж на что прозаический предмет мебели, сработана на совесть из темного дерева и даже чуточку отполирована.

Гораздо интереснее лавки был проворно вскочивший с нее человек – детина на вид гораздо моложе Грайта и совершенно другого полета: широкая, простецкая,

круглая физиономия, отнюдь не придурковатые карие глаза, светлые волосы пострижены гораздо короче, чем у Грайта, едва прикрывают уши. Одежда того же фасона, но, сразу видно, пошита из гораздо более дешевого материала, пояс простой кожаный с медной квадратной пряжкой, и на нем висит не меч, а что-то вроде короткого широкого тесака с белой костяной рукоятью и нож с такой же ручкой. И шапка на голове – первый здесь мной увиденный головной убор, похоже валяный, в виде конуса с закругленным верхом и загнутыми вверх неширокими полями. Впрочем, шапку он скинул и низко поклонился. Грайт на поклон не ответил, а потому и я не стал. Все в детине указывало на подчиненное положение – егерь, слуга, и не более того. И сапоги добротные, но из гораздо более грубой кожи безо всяких украшений...

– Это Лаг, – сказал Грайт столь же небрежно, как только что называл мне имя коня. – Все готово, Лаг?

– Конечно, хорп, как же иначе, – отозвался Лаг, не надевая шапки.

Держался он без страха, не угодливо, но все равно я укрепился во мнении, что это слуга, пусть и чуть балованный на манер Планше, все за это говорило.

– Тогда пошли. – Грайт распахнул передо мной одну из дверей.

Там оказалась большая комната, обставленная не в пример комфортнее: три кровати, высоченный шкаф, стол и четыре кресла, все сработано гораздо искуснее лавки и покрыто затейливой резьбой в том же стиле, что и дверь. Застелена только одна из трех кроватей, остальные могут похвастать лишь матрасами в широкую красно-желтую полоску. Один матрас пуст, а на другом лежит одежда, кинжал в ножнах, к кровати прислонен меч, и тут же стоят сапоги со шпорами.

– Переодевайся, – сказал Грайт командным голосом. – Все свое складывай сюда. – Он показал на занимавший половину матраса квадратный кусок темной материи. – Все. При тебе не должно остаться ни единого предмета из твоего коэна. Лаг закопает узел...

– А потом мы сюда вернемся за моими вещами? – спросил я.

– Сомневаюсь. Даже если все получится успешно, посылать тебя назад я буду с другой Тропы. Нет смысла тащиться в обратный путь из-за самых обычных в твоём мире вещей.

– Не все такие уж самые обычные... – проворчал я.

Жаль было и безотказных швейцарских часов, за восемь месяцев ни разу не опоздавших и не забежавших вперед и уж безусловно не требовавших ремонта, и «Ворошиловского стрелка», полученного по заслугам, но более всего – «Ворошиловского конника». Так получилось, что «Стрелка» вручил школьный военрук Осипов, всего-то навсего старший лейтенант, ушедший в отставку из-за язвы желудка, низенький, неавторитетный, с желчным лицом, ни разу на моей памяти не улыбнувшийся. И получали тогда значки человек тридцать старшеклассников. С «Конником» обстояло совершенно иначе. Нам пятерым, отличникам конно-спортивной секции, организованной комсомолом на ипподроме, значки вручил приехавший из области комбриг, командир стоявшего там кавалерийского полка, Гражданскую отвоевавший у Котовского. Рослый, крепкий дядька с красивой сединой и смоляными усами под Буденного, с двумя орденами Красного Знамени и Краснознаменной шашкой. Многие нам завидовали, – а мы посматривали на них свысока и промеж себя называли «пехотой сиволапой». Да и сам по себе «Конник» гораздо более редкий, чем «Стрелок», которого, говорили, получали и девчонки. Даже если удастся раздобыть другой, – но кто мне свой отдаст? – это будет уже не то...

– Ничего не поделаешь, – твердо сказал Грайт не допуская возражений тоном. – Не должно остаться ни одной вещи, по которой можно понять, что ты не отсюда.

– Ватаки не знают о Тропах?

– Знают, – сказал он, чуть поморщившись. – Тропы обнаружили еще до Вторжения. Они долго были одной из тайн каптошей, но о них знал и тогдашний король... Расскажу подробнее как-нибудь потом. Главное, ватакам так и не удалось ни одну из Троп обнаружить. Каптоши... и те, кто пришел им на смену, умели хранить секреты и приняты кое-какие меры... А король знал только, что Тропы есть, но не знал места ни одной... Хватит болтать, некогда. Переодевайся живенько.

Что тут поделаешь? Я принялся под его пристальным взглядом разоблачаться догола. Впрочем, сразу было видно, что никаких противоестественных склонностей он не питает: не на меня таращился, а зорко следил, как я выкладываю на кусок материи часы и папиросы (значки я отвинчивать не стал, так и оставил на гимнастерке). Задумчиво повертел в руках простую бакелитовую расческу.

- Это тоже положи туда же, - распорядился Грайт. - У нас такими пользуются только низшие. Я тебе дам кое-что другое, как нельзя более приличествующее готангу...

Я послушался. Взялся за здешнюю одежду. Исподнее и здесь имелось - нечто вроде трусов ниже колен. Штаны и кафтан - ну это просто. Носки не совсем привычные: из толстого полотна, с толстой вязаной подкладкой. Ну а натянуть сапоги было совсем просто. Одежда оказалась великовата, но самую чуточку, не висела мешком. Сапоги тоже чуть великоваты, но это лучше, чем тесные...

Без подсказок Грайта кое-как прицепил меч, кинжал и такой же, как у Грайта, кошель, в котором на ощупь угадывались под тонкой замшей продолговатые предметы наподобие больших авторучек или указок. Хотел расстегнуть кошель, чтобы посмотреть, что там, но Грайт остановил:

- Это подождет. Пройдись-ка по комнате...

Я добросовестно прошелся к окну и назад. Ступал чуточку неуклюже: каблуки у сапог не дамские, но все же повыше, чем у наших. Я не спотыкался и не ковылял, но все равно требовалось пока что осторожно ставить ноги, словно при ходьбе по тонкому льду.

- Неплохо, - одобрил Грайт. - Понемногу привыкнешь. Получился готанг хоть куда. Волосы, правда, подкачали...

- А что с ними не так?

- Подстрижены коротко, как у низших. Длинные волосы - древнейшая привилегия готангов, и только готангов. В старые времена порой вместо казни или тюрьмы готангов стригли наголо, это считалось величайшим позором...

– Я же в таком случае буду бросаться в глаза как не знаю кто...

– Не будешь, – заверил Грайт. – Есть отличное объяснение. Ты только что переболел клотилем. Это такая не тяжелая, но докучливая хворь. Болеют главным образом дети, но и взрослых порой ударяет. Передается от домашних животных, правда, не всех. Кожа покрывается струпьями, которые в конце концов сходят, не оставляя следов. И начисто выпадают волосы. Так что ты – готанг, совсем недавно хворавший клотилем. Никто ничего не заподозрит. Стрижка волос в наказание перестала применяться еще при моем дедушке...

По описанию болезнь походила на стригущий лишай, в пятом классе подцепленный Митькой Переверзевым от бездомного котенка. Мы Митьке тогда завидовали – он три месяца просидел дома, не ходил в школу, пока не перестал быть источником заразы. Скучал, конечно, но был избавлен и от приготовления уроков, и от двоек, читал да возился в огороде...

Очень быстро я понял, чего не хватает. И спросил:

– А головного убора мне что, не полагается? У тебя его тоже нет, а вот у Лага есть...

– Ничего удивительного, – усмехнулся Грайт. – Лаг – низший. Готанги, и только они, головных уборов не носят, это еще одна старинная привилегия. В старые времена часто готанга не заключали в тюрьму, а отбирали у него меч и приказывали выходить на люди исключительно в шляпе. Никто и не выходил. Это было хуже смерти – готангу появиться меж людьми без меча и в шляпе. Весь присужденный срок носа не высывали из дома или из замка...

– А если дождь? Или у вас нет дождей?

– Конечно, есть, – сказал Грайт. – Что поделать, приходится терпеть. Ради одной из исконных привилегий готанг обязан мириться с буйством стихии...

– А если зима? – с искренним любопытством спросил я.

– Зьима... Ты про то время года, когда очень холодно и с неба сыплется твердый дождь?

– Вот именно.

– Понятно, – кивнул Грайт. – Я однажды был у вас, когда стояла зыма. Пренеприятнейшие впечатления остались, знаешь ли. Нет, не в холоде дело, а замерзший снег – даже красиво, если нет ветра. Единственный раз в жизни показался на людях с покрытой головой, чтобы не обращать на себя лишнее внимание. Не было другого выхода – нужно было идти. Ощущения... Ты не поймешь. Короче говоря, у нас нет такого времени года, как зыма. Просто несколько месяцев в году становится холоднее, и ветры тогда сильнее, с проливными дождями. Вот и вся зыма.

Везет вам, подумал я. Будь у вас настоящие зимы с морозами, наверняка отличительным признаком готанга были бы отмороженные уши...

– Ну довольно, – деловито сказал Грайт. – Что-то мы разболтались о пустяках, как женщины, которым нечего делать. Открой кошель.

Я так и сделал. Там обнаружилось нечто вроде кожаного футляра, из которого торчали длинные рукоятки. Одна серебряная с мастерской чеканкой, другая из темного дерева с искусной резьбой, третья, очень похоже, из прозрачно-красноватого с причудливыми темными разводами янтаря.

– Вытащи ту, что с серебряной ручкой, – сказал Грайт. – Насчет двух остальных я тебе объясню потом, будет время, а с этой ты должен управляться уже сейчас...

Я вытянул серебряную рукоятку. Из нее торчал стержень – коричневое дерево в черных прожилках, конец закруглен. Вчера я видел в точности такую же штуку на подоконнике у Оксаны, Оксана сказала, что это указка, но, очень похоже, соврала...

– Подойди к зеркалу, – сказал Грайт. – Этим у нас расчесывают волосы. Просто приложи дерево к волосам и двигай. – Он усмехнулся. – Это совершенно безопасно...

Подойдя к большому овальному зеркалу в массивной резной раме, я всмотрелся в свое отражение и не почувствовал никакого неудобства – одежда непривычная, и только. Другое дело, что я показался себе актером, наряженным для какой-то пьесы из стариной жизни, – но это можно пережить...

Провел деревянным стерженьком по растрепанным волосам – и они моментально легли ровненько, как расчесанные хорошей гребенкой. Удобная штука, я с ней моментально освоился и привел прическу в полный порядок.

– Еще одно наставление, – сказал Грайт. – Ты ничегошеньки не знаешь о нашей жизни и будешь беспомощен при простом разговоре на самые обыденные темы...

– Я и сам об этом подумал...

– Предусмотрели и это, – сказал Грайт спокойно. – В дороге и на постоялом дворе нечего опасаться, что тебя втянут в разговор, – это против этикета. Полагается обязательно спросить, готов ли незнакомец завязать разговор. Если нет, тебе достаточно отрицательно мотнуть головой, чтобы словоохотливый тип отстал без обид. А вот в городе могут оказаться ситуации, когда от разговора ни за что не увильнешь, тут уж на нелюдимость не сошлешься... Я кое-что придумал на этот счет. Ты – глухонемой. На любые обращенные к тебе слова недоуменно тарачишься и пожимаешь плечами. Можно при этом глуповато ухмыляться – правда, и переигрывать не стоит... Глупо ухмыляться в меру. Тебе же самому не захочется выглядеть законченным идиотом?

– Не хотелось бы, – сказал я.

– Можешь попрактиковаться перед зеркалом в глуповатых ухмылках, это только на пользу делу...

– И вот что... – сказал я. – Если на меня вынесет настоящего глухонемого? Не знаю, как у вас, но у нас у глухонемых есть... самый настоящий язык... язык жестов...

– Ну конечно, – сказал Грайт, ничуть не удивившись. – Как же, ты про эйтор. У нас он тоже есть. Только, видишь ли... Случается, и в семьях готангов рождаются глухонемые дети. Но эйтору их не учат, это считается уделом низших. Даже глухонемого готанга низшие обязаны понимать, даже если он не владеет эйтором. Кстати, это тебе поможет и в разговорах. Готанги стараются не особенно показывать своих глухонемых детей на люди, они большую часть времени проводят в натуральном затворничестве... хотя, разумеется, не взаперти. Особенно это распространено в захолустье. Так что ты – готанг из

захолустья, несведущий в городских делах. Вообще в жизни большого мира. Алатиэль тебе покажет пару-тройку простых, распространенных жестов, которыми ты сразу дашь понять окружающим, что ты глухонемой и во многом разбираешься плохо. Это ни у кого не вызовет удивления, разве что иные будут смотреть тебе вслед с брезгливой жалостью, но это пустяки... Да, тебе надо и одежду в порядок привести. У нее такой вид, как будто она долго пролежала свернутой в дорожном мешке. А это неправильно, мы несколько дней якобы провели на охоте, и у нас есть добросовестный слуга...

Он был прав: одежда была помятая, в складках, – не то что у него и Алатиэль, да и у Лага. Вот у них троих наряды казались тщательно отутюженными – хотя непонятно, как этого можно добиться в лесной глухомани...

– Мне что, опять раздеваться? – спросил я, подумав: наверняка у них есть какие-то утюги... Допустим, их, как кое-где у нас, засыпают горячими угольями из печки – правда, над домом не видно было ни одной дымовой трубы...

– Нет, это делается проще... – Грайт подошел к двери, чуть ее распахнул и негромко позвал: – Лаг!

Детина появился в комнате моментально, со сноровкой бывалого солдата – разве что не наблюдалось солдатской выправки. Вопросительно уставился на хозяина, готовый выполнить любое распоряжение: ну, скажем, перерезать мне глотку. Прикажи ему такое Грайт, непременно исполнит быстро и в точности, знаю я, пусть исключительно из романов, таких верных и исполнительных слуг – они, надо полагать, не только в романах, а и в жизни встречаются, лишенные классового самосознания...

– Почисти Костатену одежду, – распорядился Грайт.

Лаг подошел ко мне, расстегнул продолговатый кошель на поясе и почтительным тоном попросил:

– Соблаговолите, готанг, сделать руки вот так... – и показал, как.

Выглядело это так, словно меня собирались вдумчиво обыскать. Я, не прекословя, поднял руки на уровень плеч. Лаг достал из кошеля штуковину наподобие «расчески» (я не стал спрашивать у Грайта ее здешнее название,

совершенно ни к чему), только раза в три побольше, с резной костяной рукоятью и медным, кажется, стержнем. Провел ею по моей груди от воротника к поясу – и все складки и помятости волшебным образом исчезли, кафтан выглядел свежееотглаженным, как у этой троицы. Вот оно в чем дело... Огнестрельного оружия у них нет, но расчески и одежные щетки весьма примечательные. Снова какая-то магия или здесь что-то другое? А впрочем, какая мне разница? Надолго я здесь задерживаться не собираюсь, очень хочется верить, что Грайт слово сдержит и отправит меня назад – как ясно из его слов, он запросто расхаживает меж двумя мирами по этим их загадочным Тропам...

– Достаточно, я думаю, – сказал Грайт.

Лаг убрал свою «щетку» в кошель и улетучился почти беззвучно – немаленькое достижение для рослого детины... Вышколен на совесть, я так понимаю...

– Ну вот, привели тебя в надлежащий вид, – сказал Грайт. – Теперь осталось...

Он подошел к крайне напоминавшему низкий широкий комод предмету здешней мебелировки, пузатому, на гнутых вычурных ножках, выдвинул ящик и подал мне часы, почти такие же, как у него, на массивной золотой цепочке. Роскошные были ходунцы: большущие, золотые, с россыпью желтых камней на крышке, с массивной ребристой головкой и выпуклым стеклом. Ажурные золотые стрелки, циферблат разделен на восемь загадочных знаков, выложенных крохотными желтыми камешками. Ну конечно, счет времени здесь другой. Интересно, в сутках восемь часов или шестнадцать? Спрошу потом, сейчас такие подробности ни к чему...

Часы исправно тикали – размеренно, негромко.

– Время я поставил точное, – сказал Грайт. – Как их заводить, покажу потом. Хочешь что-то спросить?

– Эти знаки... – сказал я. – Похоже на цифры, а ты сам говорил, что грамоте у вас не учат. Выходит, это что-то запрещенное?

– Ну отчего же, – усмехнулся Грайт. – Единственное послабление насчет грамотности – разрешается учить цифры до тридцати. Считается, этого вполне достаточно – часы, еще кое-что... Я когда-то умел считать по-настоящему, с

несколькими арифметическими действиями, но давно, как многие, все забыл – негде эти знания применять даже потаенно от ватаков... – В его голосе звучала неподдельная грусть. – И вот это тебе необходимо, на большой дороге – да и в городах порой – Золотая Стража может потребовать и у готангов...

Я принял у него овальную дощечку нежно-золотистого цвета, судя по легкости, деревянную (и дерево хорошо просушено). Размером с ладонь. На одном конце аккуратная дырочка. Три строчки по пять знаков в каждой – загадочные письмена вроде иероглифов, затейливых и красивых. Иероглифы словно глубоко выштампованы и покрыты не краской, а чем-то вроде поблескивающей алой глазури.

Я взял ее горизонтально, как книгу.

– Нет, вот так, запомни хорошенько. – Грайт повернул в моей руке пластинку вертикально. Теперь иероглифы, не ставшие от этого более понятными, напоминали японские или китайские надписи. – Подорожная. Это не наши буквы – они были гораздо проще. Знаки принесли ватаки. Неизвестно, это их буквы, цифры или просто какие-то знаки, – а потому никто не может их подделать, хотя саму дощечку при усилиях смогли бы... Зато известно совершенно точно: каждая суруга уникальна и неповторима. – Он покривил губы. – Это знание стоило нескольких человеческих жизней... Разумеется, и твоя суруга доподлинная, ведь поддельных просто не бывает. Это подорожная, без нее запрещено выезжать за пределы своего города, деревни, поместья. Не беспокойся, все обойдется в лучшем виде. Человек, самым законным образом ее получивший, безвылазно будет сидеть у себя в замке, пока мы не кончим дело...

– Значит, ею может пользоваться кто угодно другой? – спросил я – сработали кое-какие рефлексии пограничника, проверившего в жизни много документов, в том числе и на предмет подлинности.

– Ну да, – кивнул Грайт. – Никто представления не имеет, что эти знаки сообщают, но одно известно точно: там нет ни описания внешности владельца, ни указания его возраста, ни даже уточнения, мужчина это или женщина. – Он снова горько покривил губы. – За эти знания тоже пришлось платить человеческими жизнями...

– Значит, эта штука совершенно надежна? – спросил я.

– Можешь быть уверен, – сухо ответил Грайт. – Иначе я не взял бы тебя в такое... дело. Нужно прояснить еще один крайне важный вопрос, единственный оставшийся непроясненным. Тебе же приходилось убивать врагов?

– Дважды, – сказал я.

– В бою?

– Можно назвать это и так. В любом случае у них тоже было оружие, и они готовы были убить меня. – Долгонько было бы растолковывать ему, кто такие диверсанты, да и ни к чему, и я сказал просто: – Они шли воевать, хотя войны и не было. Коли уж у тебя отец и дядя служили в порубежной страже, ты должен знать, что на рубежах иногда бывает очень неспокойно...

– Я знаю, – кивнул Грайт. – И всякий раз – из этой штуки, что метает кусочки металла?

– Ну конечно, – сказал я. – У них было точно такое же оружие. Мы очень давно не воюем мечами и стрелами...

Думаю, он прекрасно знал о боевом применении стрел. К седлу трех верховых коней (но не моего Шупташа) были прикреплены саадаки (как это в свое время называлось) с высокими луками из темного дерева и колчаны со стрелами с красным оперением. Грайт мельком упоминал, что они притворяются охотниками. Что ж, везде, где человек придумывал лук, он его быстро приспособлял не для охоты, а для убийства себе подобных. Пусть даже у них нет ни войн, ни войска, память должна остаться...

– Вот тут есть слабое место, – сказал он, нахмурясь. – Ты совершенно не владеешь мечом. А схватываться с теми, кто умеет, нам, вполне возможно, предстоит. Мы изрядную часть пути проделаем лесами, а в лесах хватает разбойников, мы можем на них напороться хоть сегодня, если не повезет...

– Луки у них есть?

– У многих.

– Тогда какое имеет значение, что я не умею владеть мечом? – спросил я. – Стрелой из засады можно с равным успехом убить и растяпу, и умельца...

– Тоже верно, – сказал он задумчиво. – И все же... Если дело дойдет до схватки, ты будешь бесполезен, мало того, тебя легче всего будет убить...

Я не удержался от ядовитой реплики:

– А раньше, когда ты меня волок сюда, ты об этом не подумал? Только сейчас в голову пришло?

Он ничуть не рассердился, сказал со своей обычной невозмутимостью:

– Как же, думал и раньше. Только другого выхода не было. Мне необходим был хороший конник. Их у вас мало, но все же есть. А вот хорошо владеющих мечом не осталось... Я упомянул про луки у разбойников, чтобы ничего от тебя не скрывать – в том, что касается опасности нашего... предприятия.

Слеза меня сейчас прошибет от такого благородства и заботливости, слеза умиления... Я спросил:

– А что, ваши мечи и стрелы против ватаков бесполезны?

– Именно так.

– Они неуязвимы для острого железа?

– Судя по их поведению и по тому, что рассказывали те, кто встретил Вторжение, – весьма даже уязвимы. Тут другое. Мы попросту не можем подойти к ним на удар меча, копья или полет стрелы. Почему так, долго рассказывать. Ни за что не можем... Ты – можешь.

– Тогда почему ты не хочешь рискнуть и разрешить мне взять мое оружие? – Я кивнул на постель, где портупей было не видно под гимнастеркой.

– Во-первых, есть вероятность риска – оружие у нас могут найти по дороге, и все рухнет. Во-вторых... Стрелять по ним из твоего оружия означает не добиться

главной цели. Да, пожалуй, из твоего оружия можно издали убить ватака... или даже нескольких. Но не более пяти – ты сам говорил, что у тебя осталось только пять патронов. Даже будь их пять раз по пять и еще столько... Победа не в том, чтобы прикончить сколько-то ватаков. Победа в том, чтобы разрушить Мост. А для этого требуется не оружие твоего коэна, а ты сам... Понятно?

– Понятно, – сказал я. – Однако ты все время что-то недоговариваешь.

– А твои высокие командиры все время делятся с тобой своими сокровенными планами? – с явной иронией спросил Грайт. – Молчишь? Значит, не делятся. Другого от хорошего командира нечего и ждать. Так что я тебе открываю тайны понемногу, для каждой – свой черед... Тебя это удручает? Обижает?

– Да в общем нет, я привык...

– Здесь многое обстоит... обстояло точно так же, – с некоторой наставительностью сказал Грайт. – Знания следует выдавать понемногу. И так, в бою ты будешь, прости уж, бесполезен...

– Ну не настолько уж... – сказал я. – Видишь ли, у нас есть такая рукопашная борьба...

Похоже, вигень передал мои слова в точности – Грайт разъяснений не попросил. Сказал только:

– Ну-ка, подробнее...

– Рукопашная борьба, – уже увереннее повторил я. – Человек, который ею владеет, может справиться и с вооруженным – неважно чем – противником.

– Интересно... – сказал Грайт. – Мои знания о вашем коэне не такие уж полные и всеобъемлющие... Показать можешь?

Оглянувшись в поисках подходящего предмета, я вынул из кошеля расческу и подал ему:

– Представь, что это нож, и попытайся меня ударить. Только совершенно серьезно...

Грайт поднялся с кресла. Я немного отступил и, как учили, принял мнимо расслабленную позу, опустив руки. У меня были хорошие учителя, один из них, несколько лет прослуживший на беспокойной границе с Маньчжоу-Го, обучал даже тамошней драке с применением палки.

Грайт моментально переменялся. На меня неторопливо надвигался хищник – собранный, решительный, опасный, с мягкими кошачьими движениями. Я ждал. Ага! В последний миг он, не глядя, перебросил «нож» в левую руку, явно собираясь ударить без глупого замаха. Ну, эти фокусы мы знаем...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Т. е. двоюродные.

2

Колхоз.

3

Оружие.

4

Готов к труду и обороне; Готов к противохимической обороне.

5

«Чемодан» – крупнокалиберный снаряд.

6

Гармата – пушка.

7

Герой популярных в 30–50-е гг. детективов Льва Овалова.

Купить: https://tellnovel.com/bushkov_aleksandr/cvet-tvoey-krovi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)